ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

СРЕДИ СВОИХЪ СОТРУДНИКОВЪ

ОЧЕРКЪ

Проф. В. О. КЛЮЧЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1902.

Акт. № 2
ПРОВЕРЕНА
1952 г.
ПРОВЕРЕНА-58
Проверена-56 г.
Проверено-85
ПРОВЕРЕНО-06

85993

Индекс	Л. 31		Шифр хранения
Авторский знак	З-К. 52-П		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

Тип. Воениздата. Зак. 1453—150000

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

СРЕДИ СВОИХЪ СОТРУДНИКОВЪ

ОЧЕРКЪ

Проф. В. О. КЛЮЧЕВСКАГО.

Центральная [illegible]
Библиотека ВМФ СССР
47958

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія.
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1902.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 15 октября 1902 г.

Петръ Великій среди своихъ сотрудниковъ.

I.

Мы привыкли представлять себѣ Петра Великаго болѣе дѣльцомъ, чѣмъ мыслителемъ. Такимъ обыкновенно видали его и современники. Жизнь Петра такъ сложилась, что давала ему мало досуга заранѣе и неторопливо обдумывать планъ дѣйствій, а темпераментъ мало внушалъ и охоты къ тому. Спѣшность дѣлъ, неумѣнье, иногда и невозможность выжидать, подвижность ума, необычайно быстрая наблюдательность—все это пріучило Петра задумывать безъ раздумья, безъ колебанія рѣшаться, обдумывать дѣло среди самаго дѣла, и чутко угадывая требованія минуты, на ходу соображать средства исполненія. Въ дѣятельности Петра всѣ эти моменты, такъ отчетливо различаемые досужимъ размышленіемъ и какъ бы разсыпающіеся при раздумьи, шли дружно вмѣстѣ, точно вырастая одинъ изъ другого, съ органически-жизненной нераздѣлимостью и послѣдовательностью. Петръ является передъ наблюдателемъ въ вѣчномъ потокѣ разнообразныхъ дѣлъ, въ постоянномъ дѣловомъ общеніи со множествомъ людей, среди непрерывной смѣны впечатлѣній и предпріятій; всего труднѣе вообразить его наединѣ съ самимъ собою, въ уединенномъ кабинетѣ, а не въ людной и шумной мастерской.

Это не значитъ, что у Петра не было тѣхъ общихъ руководящихъ понятій, изъ которыхъ составляется образъ мыслей человѣка; только у Петра этотъ образъ мыслей выражался нѣсколько по-своему, не какъ подробно обдуманный планъ дѣйствій или запасъ готовыхъ отвѣтовъ на всевозможные запросы жизни, а являлся случайной импровизаціей, мгновенной вспышкой постоянно возбужденной мысли, ежеминутно готовой

отвѣчать на всякій запросъ жизни при первой съ нимъ встрѣчѣ. Мысль его вырабатывалась на мелкихъ подробностяхъ, текущихъ вопросахъ практической дѣятельности, мастеровой, военной, правительственной. Онъ не имѣлъ ни досуга, ни привычки къ систематическому размышленію объ отвлеченныхъ предметахъ, а воспитаніе не развило въ немъ и наклонности къ этому. Но когда среди текущихъ дѣлъ ему встрѣчался такой предметъ, онъ своей прямой и здоровой мыслью составлялъ о немъ сужденіе такъ же легко и просто, какъ его зоркій глазъ схватывалъ структуру и назначеніе впервые встрѣченной машины. Но у него всегда были наготовѣ двѣ основы его образа мыслей и дѣйствій, прочно заложенныя еще въ ранніе годы подъ неуловимыми для насъ вліяніями: это—неослабное чувство долга и вѣчно напряженная мысль объ общемъ благѣ отечества, въ служеніи которому и состоитъ этотъ долгъ. На этихъ основахъ держался и его взглядъ на свою царскую власть, совсѣмъ непривычный древнерусскому обществу, но бывшій начальнымъ, исходнымъ моментомъ его дѣятельности и вмѣстѣ основнымъ ея регуляторомъ. Въ этомъ отношеніи древнерусское политическое сознаніе испытало въ лицѣ Петра Великаго крутой переломъ, рѣшительный кризисъ.

Ближайшіе предшественники Петра, московскіе цари новой династіи, родоначальникъ которой сѣлъ на московскій престолъ не по отцовскому завѣщанію, а по всенародному избранію, конечно, не могли видѣть въ управляемомъ ими государствѣ только свою вотчину, какъ смотрѣли на него государи прежней династіи. Та династія построила государство изъ своего частнаго удѣла и могла думать, что государство для нея существуетъ, а не она для государства, подобно тому, какъ домъ существуетъ для хозяина, а не наоборотъ. Избирательное происхожденіе новой династіи не допускало такого удѣльнаго взгляда на государство, составлявшаго основу политическаго сознанія государей Калитина племени. Соборное избраніе дало царямъ новаго дома новое основаніе и новый характеръ ихъ власти. Земскій соборъ просилъ Михаила на царство, а не Михаилъ просилъ царство у земскаго собора. Слѣдовательно, царь необходимъ для государства, и хотя государство существуетъ не для государя, но безъ него оно существовать не можетъ. Идеей власти, какъ основы государственнаго порядка, суммой полномочій, вытекающихъ изъ этого источника, исчерпывалось все политическое содержаніе понятія о государѣ. Власть исполняетъ свое назначеніе, если только не бездѣйствуетъ, независимо отъ качества дѣйствія. Назначеніе власти

править, а править значитъ приказывать и взыскивать. Какъ исполнить указъ—это дѣло исполнителей, которые и отвѣчаютъ передъ властью за исполненіе. Царь можетъ спросить совѣта у ближайшихъ исполнителей, своихъ совѣтниковъ, даже у совѣтныхъ людей всей земли, у земскаго собора. Это его добрая воля и много-много требованіе правительственнаго обычая или политическаго приличія. Дать совѣтъ, подать мнѣніе о дѣлѣ, когда его спрашиваютъ,—это не политическое право боярской думы или земскаго собора, а ихъ вѣрноподданническая обязанность. Такъ понимали и такъ практиковали свою власть первые цари новой династіи; по крайней мѣрѣ, такъ понималъ и практиковалъ ее второй изъ нихъ, царь Алексѣй, который даже не повторилъ тѣхъ неопредѣленныхъ, никогда не обнародованныхъ и ничѣмъ политически не обезпеченныхъ обязательствъ, на которыхъ цѣловалъ крестъ боярамъ,—только боярамъ, а не земскому собору,—его отецъ. И съ 1613 по 1682 годъ никогда ни въ боярской думѣ, ни на земскомъ соборѣ не возникало вопроса о предѣлахъ верховной власти, потому что всѣ политическія отношенія устанавливались на основѣ, положенной избирательнымъ соборомъ 1613 г. Сами просили на царство—сами давайте и средства царствовать; такова основная нота въ грамотахъ новоизбраннаго царя Михаила къ собору.

Конечно, и по происхожденію новаго царственнаго дома, и по общему значенію власти въ христіанскомъ обществѣ, христіанская мысль и въ составѣ московскаго самодержавія XVII в. могла найти идею долга царя, какъ блюстителя общенароднаго блага, и идею, если не юридической, то нравственной его отвѣтственности не только передъ Богомъ, но и передъ землей; а здравый смыслъ указывалъ, что власть не можетъ быть сама себѣ ни цѣлью, ни оправданіемъ и становится непонятной, какъ скоро перестаетъ исполнять свое назначеніе—служить народному благу. Все это, вѣроятно, чувствовали и московскіе цари XVII вѣка, особенно такой благодушный и набожный носитель власти, какъ царь Алексѣй Михайловичъ. Но они слабо давали чувствовать все это своимъ подданнымъ, окруженные въ своемъ дворцѣ тяжелой церемоніальной пышностью, при тогдашнихъ, сказать мягко, суровыхъ нравахъ и пріемахъ управленія, являясь передъ народомъ земными богами въ неземномъ величіи какихъ-то царей ассирійскихъ. Тотъ же благожелательный царь Алексѣй, можетъ быть, и сознавалъ одностороннюю постановку своей власти; но у него не доставало силъ пробиться сквозь накопившуюся вѣками и плотно

окутавшую его толщу условныхъ понятій и обрядностей, чтобы вразумительно показать народу и другую, оборотную сторону власти. Это и лишало московскихъ государей XVII вѣка того нравственно-воспитательнаго вліянія на управляемое общество, которое составляетъ лучшее назначеніе и высшее качество власти. Своимъ образомъ правленія, чувствами, какія они внушали управляемымъ, они значительно дисциплинировали ихъ поведеніе, сообщали имъ нѣкоторую наружную выдержку, но слабо смягчали ихъ нравы и еще слабѣе проясняли ихъ политическія и общественныя понятія.

Въ дѣятельности Петра Великаго впервые ярко проявились именно эти народно-воспитательныя свойства власти, едва замѣтно мерцавшія и часто совсѣмъ погасавшія въ его предшественникахъ. Трудно сказать, подъ какими сторонними вліяніями или какимъ внутреннимъ процессомъ мысли удалось Петру перевернуть въ себѣ политическое сознаніе московскаго государя изнанкой на лицо; только онъ въ составѣ верховной власти всего яснѣе понялъ и особенно живо почувствовалъ „долженства“, обязанности царя, которыя сводятся, по его словамъ, къ „двумъ необходимымъ дѣламъ правленія“: къ *распорядку*, внутреннему благоустройству, и *оборонѣ*, внѣшней безопасности государства. Въ этомъ и состоитъ *благо отечества*, общее благо родной земли, русскаго народа или государства—понятія, которыя Петръ едва ли не первый у насъ усвоилъ и выражалъ со всею ясностію первичныхъ, простѣйшихъ основъ общественнаго порядка. Самодержавіе—средство для достиженія этихъ цѣлей. Нигдѣ и никогда не покидала Петра мысль объ отечествѣ; въ радостныя и скорбныя минуты она ободряла его и направляла его дѣйствія, и о своей обязанности служить отечеству, чѣмъ только можно, онъ говорилъ просто, безъ пафоса, какъ о дѣлѣ серіозномъ, но естественномъ и необходимомъ. Въ 1704 г. русскія войска взяли Нарву, смывъ позоръ перваго пораженія. На радостяхъ Петръ говорилъ находившемуся въ походѣ сыну Алексѣю, какъ необходимо ему, наслѣднику, для обезпеченія торжества надъ врагомъ слѣдовать примѣру отца, не бояться ни труда, ни опасностей. „Ты долженъ любить все, что служитъ ко благу и чести отечества, не щадить трудовъ для общаго блага; а если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ,—я не признаю тебя своимъ сыномъ“. Впослѣдствіи, когда возникла опасность исполнить эту угрозу, Петръ писалъ царевичу: „За мое отечество и людей моихъ я живота своего не жалѣлъ и не жалѣю; какъ могу тебя непотребнаго пожалѣть? Ты ненавидишь дѣла мои, которыя я для

людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю". Однажды какой-то знатный господинъ улыбнулся, видя, съ какимъ усердіемъ Петръ, любя дубъ, какъ корабельное дерево, сажалъ желуди по петергофской дорогѣ. „Глупый человѣкъ, сказалъ ему Петръ, замѣтивъ его улыбку и догадавшись о ея значеніи:—ты думаешь, не дожить мнѣ до матерыхъ дубовъ? Да я вѣдь не для себя тружусь, а для будущей пользы государства". Въ концѣ жизни, больнымъ отправившись въ дурную погоду осматривать работы на Ладожскомъ каналѣ и усиливъ болѣзнь этой поѣздкой, онъ говорилъ лейбъ-медику Блюментросту: „Болѣзнь упряма,—природа знаетъ свое дѣло; но и намъ надлежитъ пещись о пользѣ государства, пока силы есть". Соотвѣтственно характеру власти измѣнилась и ея обстановка: вмѣсто кремлевскихъ палатъ, пышныхъ придворныхъ обрядовъ и нарядовъ—плохой домикъ въ Преображенскомъ и маленькіе дворцы въ новой столицѣ; простенькій экипажъ, въ которомъ, по замѣчанію очевидца, не всякій купецъ рѣшился бы показаться на столичной улицѣ; на самомъ простой кафтанъ изъ русскаго сукна, нерѣдко стоптанные башмаки со штопанными чулками,—все платье, по выраженію князя Щербатова, писателя Екатеринина вѣка, „было такъ просто, что и бѣднѣйшій человѣкъ нынѣ того носить не станетъ".

Жить для пользы и славы государства и отечества, не жалѣть здоровья и самой жизни для общаго блага—такое сочетаніе понятій было не вполнѣ ясно для обычнаго сознанія древне-русскаго человѣка и мало привычно для его обиходной житейской практики. Онъ понималъ служеніе государству и обществу, какъ службу по назначенію правительства или по мірскому выбору, смотрѣлъ на это, какъ на повинность или какъ на средство для устройства личнаго и семейнаго благополучія. Онъ зналъ, что слово Божіе заповѣдуетъ любить ближняго, какъ самого себя, полагать душу свою за *други своя*. Но подъ ближними онъ разумѣлъ прежде всего своихъ семейныхъ и родныхъ, какъ самыхъ близкихъ изъ ближнихъ; а *другами своими* считалъ, пожалуй, и всѣхъ людей, но только какъ отдѣльныхъ людей, а не какъ общества, въ которыя они соединены. Въ минуты всенароднаго бѣдствія, когда опасность грозила всѣмъ и каждому, онъ понималъ обязанность и могъ чувствовать въ себѣ готовность умереть за отечество, потому что, защищая всѣхъ, онъ защищалъ и самого себя, какъ каждый изъ всѣхъ, защищая себя, защищалъ и его. Онъ понималъ общее благо, какъ частный интересъ каждаго, а не какъ общій интересъ, которому должно жертвовать частнымъ

интересомъ каждаго. А Петръ именно и не понималъ частнаго интереса, не совпадающаго съ общимъ, не понималъ возможности замкнуться въ кругу частныхъ, домашнихъ дѣлъ. „Что вы дѣлаете дома? съ недоумѣніемъ спрашивалъ онъ иногда окружающихъ: я не знаю, какъ безъ дѣла дома быть“, т. е. безъ дѣла общественнаго, государственнаго. „Горько намъ! онъ нашихъ нуждъ не знаетъ“, жаловались на него въ отвѣтъ на это люди, утомленные его служебными требованіями, постоянно отрывавшими ихъ отъ домашнихъ дѣлъ:—„какъ бы присмотрѣлъ онъ хорошенько за своимъ домомъ да увидѣлъ, что либо дровъ не хватаетъ, либо другого чего, такъ бы и узналъ, что мы дома дѣлаемъ“. Вотъ это трудное для древнерусскаго ума понятіе объ общемъ благѣ и усиливался выяснить ему своимъ примѣромъ, своимъ взглядомъ на власть и ея отношеніе къ народу и государству Петръ Великій.

II.

Этотъ взглядъ служилъ общей основой законодательства Петра и выражался всенародно въ указахъ и уставахъ, какъ руководящее правило его дѣятельности. Но особенно любилъ Петръ высказывать свои взгляды и руководящія идеи въ откровенной бесѣдѣ съ приближенными, въ компаніи своихъ „друзей“, какъ онъ называлъ ихъ. Ближайшіе исполнители должны были знать прежде и лучше другихъ, съ какимъ распорядителемъ имѣютъ дѣло, и чего онъ отъ нихъ ждетъ и требуетъ. То была столь памятная въ нашей исторіи компанія сотрудниковъ, которыхъ подобралъ себѣ преобразователь,—довольно пестрое общество, въ составъ котораго входили и русскіе и иноземцы, люди знатные и худородные, даже безродные, очень умные и даровитые и самые обыкновенные, но преданные и исполнительные. Многіе изъ нихъ, даже большинство и притомъ самые видные и заслуженные дѣльцы, были многолѣтніе и ближайшіе сотрудники Петра: кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій, кн. М. М. Голицынъ, Тих. Стрешневъ, кн. Я. Ѳ. Долгорукій, кн. Меншиковъ, графы Головинъ, Шереметевъ, П. Толстой, Брюсъ, Апраксинъ. Съ ними онъ начиналъ свое дѣло; они шли за нимъ до послѣднихъ лѣтъ шведской войны, иные пережили Ништадтскій миръ и самого преобразователя. Другіе, какъ гр. Ягужинскій, бар. Шафировъ, бар. Остерманъ, Волынскій, Татищевъ, Неплюевъ, Минихъ, постепенно вступали въ рѣдѣвшіе ряды на мѣсто раньше выбывшихъ кн. Б. Голицына, гр. Ѳ. А. Головина, Шеина, Лефорта, Гордона. Петръ набиралъ нужныхъ ему лю-

дей всюду, не разбирая званія и происхожденія, и они сошлись къ нему съ разныхъ сторонъ и изъ всевозможныхъ состояній: кто пришелъ юнгой на португальскомъ кораблѣ, какъ генералъ-полиціймейстеръ новой столицы Девіеръ, кто пасъ свиней въ Литвѣ, какъ разсказывали про перваго генералъ-прокурора сената Ягужинскаго, кто былъ сидѣльцемъ въ лавочкѣ, какъ вице-канцлеръ Шафировъ, кто изъ русскихъ дворовыхъ людей, какъ архангельскій вице-губернаторъ, изобрѣтатель гербовой бумаги, Курбатовъ, кто, какъ Остерманъ, былъ сынъ вестфальскаго пастора; и всѣ эти люди, вмѣстѣ съ кн. Меншиковымъ, когда-то, какъ гласила молва, торговавшимъ пирогами по московскимъ улицамъ, встрѣчались въ обществѣ Петра съ остатками русской боярской знати. Иноземцы и люди новые изъ русскихъ, понимая дѣло Петра или нѣтъ, дѣлали его, не входя въ его оцѣнку, по мѣрѣ силъ и усердія, по личной преданности преобразователю или по расчету. Изъ родовитыхъ людей большинство не сочувствовало ни ему самому, ни его дѣлу. Они были тоже люди преобразовательнаго направленія, только не такого, какое далъ реформѣ Петръ. Они желали, чтобы реформа шла такъ, какъ повели было ее цари Алексѣй, Ѳедоръ и царевна Софья, когда, по выраженію кн. Б. Куракина, Петрова свояка, „политесъ возставлена была въ великомъ шляхетствѣ и другихъ придворныхъ съ манеру польскаго и въ экипажахъ, и въ домовномъ строеніи, и въ уборахъ, и въ столахъ“, съ науками греческаго и латинскаго языка, съ риторикой и священной философіей, съ учеными кіевскими старцами. Вмѣсто того они видѣли политесъ съ манеру голландскаго, матросскаго, съ нешляхетскими науками—артиллеріей, навтикой, фортификаціей, съ заграничными инженерами, механиками да съ безграмотнымъ и безроднымъ Меншиковымъ, который всѣми ими, родословными боярами, командуетъ, которому даже самъ фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ вынужденъ искательно писать: „Какъ прежде всякую милость получалъ черезъ тебя, такъ и нынѣ у тебя милости прошу“.

Нелегко было сладить столь разнохарактерный наборъ въ дружную компанію для общей дѣятельности. Петру досталась трудная задача не только подыскивать годныхъ людей для исполненія своихъ предпріятій, но и воспитывать самихъ исполнителей. Неплюевъ впослѣдствіи говорилъ Екатеринѣ II: „Мы, Петра Великаго ученики, проведены имъ сквозь огонь и воду“. Но въ этой суровой школѣ примѣнялись не одни только суровые воспитательные пріемы. Посредствомъ ранняго и прямого общенія Петръ пріобрѣлъ большое умѣнье распознавать людей

даже по одной наружности, рѣдко ошибался въ выборѣ, вѣрно угадывалъ, кто на что годенъ. Но за исключеніемъ иностранцевъ, да и то не всѣхъ, люди, подобранные имъ для своего дѣла, не становились на указанныя имъ мѣста готовыми дѣльцами. Это былъ добротный, но сырой матеріалъ, нуждавшійся въ тщательной обработкѣ. Подобно своему вождю они учились на ходу, среди самаго дѣла. Имъ нужно было все показать, растолковать наглядным опытомъ, собственнымъ примѣромъ, за всякимъ присмотрѣть, каждаго провѣрить, иного ободрить, другому дать хорошую острастку, чтобъ не дремалъ, а смотрѣлъ въ оба.

Притомъ Петру нужно было приручать ихъ къ себѣ, стать къ нимъ въ простыя и прямыя отношенія, чтобы личной къ нимъ близостью вовлечь въ эти отношенія ихъ нравственное чувство, по крайней мѣрѣ, чувство нѣкоторой стыдливости хотя бы только передъ нимъ однимъ, и такимъ образомъ получить возможность дѣйствовать не только на ощущеніе оффиціальнаго страха должностного холопа, но и на совѣсть, какъ нелишнюю подпорку гражданскаго долга или, по крайней мѣрѣ, общественнаго приличія. Въ этомъ отношеніи, что касается долга и приличія, большинство русскихъ сотрудниковъ Петра вышло изъ стараго русскаго быта съ большими недочетами, а въ западно-европейской культурѣ, при первомъ знакомствѣ съ нею, имъ больше всего пришлась по вкусу ея послѣдняя прикладная часть, что ласкала чувства и возбуждала аппетиты. Изъ этой встрѣчи старыхъ пороковъ съ новыми соблазнами вышла такая нравственная неурядица, которая заставляла многихъ неразборчивыхъ людей думать, что реформа несетъ только крушеніе добрыхъ старыхъ обычаевъ и ничего лучшаго принести не можетъ. Эта неурядица особенно ярко проявлялась въ злоупотребленіяхъ по службѣ. Своякъ Петра кн. Б. Куракинъ въ запискахъ о первыхъ годахъ его царствованія разсказываетъ, что послѣ семилѣтняго правленія царевны Софьи, веденнаго „во всякомъ порядкѣ и правосудіи“, когда „торжествовало довольство народное“, наступило „непорядочное“ правленіе царицы Натальи Кирилловны; и тогда началось „мздоимство великое и кража государственная, что донынѣ (писано въ 1727 г.) продолжается съ умноженіемъ, а вывести сію язву трудно“. Петръ жестоко и безуспѣшно боролся съ этой язвой. Многіе изъ видныхъ дѣльцовъ съ Меншиковымъ впереди были за это подъ судомъ и наказаны денежными взысканіями. Сибирскій губернаторъ кн. Гагаринъ повѣшенъ, петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ пытанъ и публично

высѣченъ кнутомъ, два сенатора тоже подвергнуты публичному наказанію, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ снятъ съ плахи и отправленъ въ ссылку, одинъ слѣдователь по дѣламъ о казнокрадствѣ разстрѣлянъ. Про самого кн. Я. Долгорукаго, сенатора, считавшагося примѣромъ неподкупности, Петръ говорилъ, что и кн. Яковъ Ѳедоровичъ „не безъ причины". Петръ ожесточался, видя какъ вокругъ него играютъ въ законъ, по его выраженію, словно въ карты, и со всѣхъ сторонъ подкапываются „подъ фортецію правды". Есть извѣстіе, что однажды въ Сенатѣ, выведенный изъ терпѣнія этой повальной недобросовѣстностью, онъ хотѣлъ издать указъ вѣшать всякаго чиновника, укравшаго хоть настолько, сколько нужно на покупку веревки. Тогда блюститель закона, „око государево", генералъ-прокуроръ Ягужинскій всталъ и сказалъ: „Развѣ, ваше величество, хотите царствовать одинъ, безъ слугъ и безъ подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, только одинъ больше и примѣтнѣе другого". Человѣкъ снисходительный, доброжелательный и довѣрчивый, Петръ въ такой средѣ сталъ проникаться недовѣріемъ къ людямъ и пріобрѣлъ наклонность думать, что ихъ можно обуздывать только „жесточью". Онъ не разъ повторялъ Давидово слово, что *всякъ человѣкъ есть ложь*, приговаривая: „Правды въ людяхъ мало, а коварства много". Такой взглядъ отразился и на его законодательствѣ, столь щедромъ на жестокія угрозы. Впрочемъ, дурныхъ людей не передѣлаешь. Разъ въ кунсткамерѣ онъ говорилъ своему лейбъ-медику Арескину: „Я велѣлъ губернаторамъ собирать монстры (уродовъ) и присылать къ тебѣ; прикажи заготовить шкафы. Если бы я захотѣлъ присылать къ тебѣ монстры человѣческіе не по виду тѣлесъ, а по уродливымъ нравамъ, у тебя бы мѣста для нихъ не хватило; пускай шляются они во всенародной кунсткамерѣ: между людьми они болѣе примѣтны".

Петръ самъ сознавалъ, какъ трудно очистить столь испорченную атмосферу одной грозой закона, какъ бы суровъ онъ ни былъ, и вынужденъ былъ нерѣдко прибѣгать къ болѣе прямымъ и короткимъ способамъ дѣйствія. Въ письмѣ къ непобѣдимому упрямцу сыну, онъ писалъ: „Сколько разъ я тебя бранивалъ, и не только бранилъ, но и бивалъ!" То же „отеческое наказаніе", какъ названъ въ манифестѣ объ отрѣшеніи царевича отъ престолонаслѣдія такой способъ исправленія въ отличіе отъ „ласки и укоризненнаго выговора", Петръ примѣнялъ и къ своимъ сподвижникамъ. Нерасторопнымъ губернаторамъ, которые въ веденіи своихъ дѣлъ „зѣло раку послѣдуютъ", онъ назначалъ послѣдній срокъ съ угрозой, что по-

томъ станетъ уже „не словомъ, но руками съ оными пуступать“. Въ этой ручной политической педагогикѣ нерѣдко появлялась въ рукахъ Петра его знаменитая дубинка, о которой такъ долго помнили и такъ много разсказывали по личному опыту или со словъ испытавшихъ ее на себѣ отцовъ русскіе люди XVIII в. Петръ признавалъ въ ней большія педагогическія способности и считалъ ее своей неизмѣнной помощницей въ дѣлѣ политическаго воспитанія своихъ сотрудниковъ, хотя зналъ, какъ трудна ея задача при неподатливости наличнаго воспитательнаго матеріала. Воротясь изъ Сената, вѣроятно, послѣ крупнаго объясненія съ сенаторами, и гладя увивавшуюся около него любимую свою собачку Лизету, онъ говорилъ: „Когда бы упрямцы такъ же слушались меня въ добромѣ дѣлѣ, какъ послушна мнѣ Лизета, я не гладилъ бы ихъ дубиною; собачка догадливѣе ихъ, слушается и безъ побой, а въ тѣхъ заматерѣлое упрямство“. Это упрямство, какъ спица въ глазу, не давало покоя Петру. Занимаясь въ токарной и довольный своей работой, онъ спросилъ своего токаря Нартова: „Каково я точу?“ — Хорошо, ваше величество! — „Такъ-то Андрей, кости я точу долотомъ изрядно, а вотъ упрямцевъ обточить дубиной не могу“.

Съ царской дубинкой близко знакомъ былъ и свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, даже, пожалуй, ближе другихъ сподвижниковъ Петра. Этотъ даровитый дѣлецъ занималъ совершенно исключительное положеніе въ кругу сотрудниковъ преобразователя. Человѣкъ темнаго происхожденія, „породы самой низкой, ниже шляхетства“, по выраженію кн. Б. Куракина, едва умѣвшій росписаться въ полученіи жалованья и нарисовать свое имя и фамилію, почти сверстникъ Петра, сотоварищъ его воинскихъ потѣхъ въ Преображенскомъ и корабельныхъ занятій на голландскихъ верфяхъ, — Меншиковъ, по отзыву того же Куракина, въ милости у царя „до такого градуса взошелъ, что все государство правилъ, почитай, и былъ такой сильный фаворитъ, что развѣ въ римскихъ гисторіяхъ находятъ“. Онъ отлично зналъ царя, быстро схватывалъ его мысли, исполнялъ самыя разнообразныя порученія, даже по инженерной части, которой совсѣмъ не понималъ, былъ чѣмъ-то въ родѣ главнаго начальника его штаба, успѣшно, иногда съ блескомъ командовалъ въ бояхъ. Смѣлый, ловкій и самоувѣренный, онъ пользовался полнымъ довѣріемъ царя и безпримѣрными полномочіями, отмѣнялъ распоряженія его фельдмаршаловъ, не боялся противорѣчить ему самому и оказалъ Петру услуги, которыхъ онъ никогда не забывалъ. Но никто изъ сотрудниковъ не огор-

чалъ его больше, чѣмъ этотъ „мейнъ липсте фринтъ“ (мой любимый другъ) или „мейнъ герцбрудеръ“ (мой сердечный братъ), какъ называлъ его Петръ въ письмахъ къ нему. Данилычъ любилъ деньги, и ему нужно было много денегъ. Сохранились счета, по которымъ съ конца 1709 по 1711 годъ онъ издержалъ лично на себя 45 тыс. рублей, т. е. около 400 тыс. на наши деньги. И онъ не стѣснялся въ средствахъ добывать деньги, какъ показываютъ извѣстія о его многочисленныхъ злоупотребленіяхъ: бѣдный преображенскій сержантъ впослѣдствіи имѣлъ состояніе, которое современники опредѣляли въ 150 тыс. рубл. поземельнаго дохода (около 1.300.000 на наши деньги), не считая драгоцѣнныхъ каменьевъ на $1^1/_2$ мил. руб. (около 13 мил.) и многомилліонныхъ вкладовъ въ заграничныхъ банкахъ. Петръ не былъ скупъ для заслуженнаго любимца; но такое богатство едва ли могло составиться изъ однѣхъ царскихъ щедротъ да изъ барышей бѣломорской компаніи моржеваго промысла, въ которой князь состоялъ пайщикомъ. „Зѣло прошу, писалъ ему Петръ въ 1711 г. по поводу его мелкихъ хищеній въ Польшѣ,—зѣло прошу, чтобы вы такими малыми прибытками не потеряли своей славы и кредита“. Меньшиковъ и старался исполнить эту просьбу царя, только ужъ слишкомъ буквально: избѣгалъ „малыхъ прибытковъ“, предпочитая имъ большіе. Черезъ нѣсколько лѣтъ слѣдственная комиссія по дѣлу о злоупотребленіяхъ князя сдѣлала на него начетъ болѣе 1 милліона рублей (около 10 мил. на наши деньги). Петръ сложилъ значительную часть этого начета. Но такая нечистота на руку выводила его изъ терпѣнія. Царь предостерегалъ князя: „Не забывай, кто ты былъ, и изъ чего сдѣлалъ я тебя тѣмъ, каковъ ты теперь“. Въ концѣ своей жизни, прощая ему новыя вскрывшіяся хищенія, онъ говорилъ всегдашней его заступницѣ, императрицѣ: „Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, во грѣсѣхъ родила его мать, и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой; если не исправится, быть ему безъ головы“. Кромѣ заслугъ, чистосердечнаго раскаянія и ходатайства Екатерины, въ такихъ случаяхъ выручала Меншикова изъ бѣды и царская дубинка, покрывавшая забвеніемъ грѣхъ наказаннаго. Но и царская дубинка о двухъ концахъ: исправляя грѣшника однимъ концомъ, она другимъ роняла его во мнѣніи общества. Петру нужны были дѣльцы съ авторитетомъ, которыхъ бы уважали и слушались подчиненные; а какое уваженіе могъ внушать битый царемъ начальникъ? Петръ надѣялся устранить это деморализующее дѣйствіе своей исправительной дубинки, дѣлая изъ нея строго-келейное употребле-

ніе въ своей токарной. Нартовъ разсказываетъ, что онъ часто видалъ, какъ здѣсь государь знатныхъ чиновъ людей потчевалъ за вины дубинкою, какъ они послѣ того съ веселымъ видомъ выходили въ другія комнаты и въ тотъ же день приглашаемы были къ государеву столу, чтобы посторонніе ничего не замѣтили. Не всякій виноватый удостоивался дубинки: она была знакомъ извѣстной близости, довѣрія къ наказуемому. Потому испытавшіе такое наказаніе вспоминали о немъ безъ горечи, какъ о милости, даже когда считали себя наказанными незаслуженно. А. П. Волынскій *) послѣ разсказывалъ, какъ во время персидскаго похода, на Каспійскомъ морѣ Петръ, по наговорамъ недруговъ, прибилъ его, бывшаго тогда астраханскимъ губернаторомъ, тростью, замѣнявшей дубинку въ ея отсутствіи, и только императрица „до большихъ побой милостиво довести не изволила“. „Но, добавлялъ разказчикъ,— государь изволилъ наказать меня, какъ милостивый отецъ сына, своею ручкою, и назавтра самъ всемилостивѣйше изволилъ въ томъ обмыслиться, что вины моей въ томъ не было, милосердуя раскаялся и паки изволилъ меня принять въ прежнюю свою высокую милость“. Петръ наказывалъ такъ лишь тѣхъ, кѣмъ дорожилъ и кого надѣялся исправить этимъ средствомъ. На докладъ объ одномъ корыстномъ поступкѣ все того же Меншикова, Петръ отвѣчалъ: „Вина не малая, да прежнія заслуги больше ея“, подвергъ князя денежному взысканію, а въ токарной прибилъ его дубиной при одномъ Нартовѣ и выпроводилъ со словами: „Въ послѣдній разъ, смотри, Александръ, берегись!“

Но когда добросовѣстный дѣлецъ ошибался, дѣлалъ невольный промахъ и ждалъ грозы, Петръ спѣшилъ утѣшить его, какъ утѣшаютъ въ несчастіи, умаляя неудачу. Въ 1705 г. Б. Шереметевъ испортилъ порученную ему стратегическую операцію въ Курляндіи противъ Левенгаупта и былъ въ отчаяніи. Петръ взглянулъ на дѣло просто, какъ на „нѣкоторый несчастливый случай“, и писалъ фельдмаршалу: „Не извольте о бывшемъ несчастіи печальны быть, понеже всегдашняя удача многихъ людей ввела въ пагубу, но забывать и паче людей ободривать“.

III.

Петръ не успѣлъ стряхнуть съ себя дочиста древнерусскаго человѣка съ его нравами и понятіями даже тогда, когда вое-

*) О Волынскомъ см. „Журналъ для всѣхъ“ съ января по апрѣль прошлаго года.

Петръ Великій.
Со статуи М. М. Антокольскаго.

валъ съ ними. Это сказывалось не только въ отеческой расправѣ съ людьми знатныхъ чиновъ, но и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ надеждѣ искоренить заблужденія въ народѣ, выгоняя кнутомъ бѣсовъ изъ ложнобѣснующихся,—„хвостъ-де кнута длиннѣе хвоста бѣсовскаго“, или въ способѣ лѣченія зубовъ у жены своего камердинера Полубоярова. Камердинеръ жаловался Петру, что жена съ нимъ неласкова, ссылаясь на зубную боль.—„Хорошо, я полѣчу ее“. Считая себя достаточно опытнымъ въ оперативной хирургіи, Петръ взялъ зубоврачебный приборъ и зашелъ къ камердинершѣ въ отсутствіе мужа. „У тебя, слышалъ я, зубъ болитъ?“—Нѣтъ, государь, я здорова.—„Неправда, ты трусишь“. Та, оробѣвъ, признала у себя болѣзнь, и Петръ выдернулъ у нея здоровый зубъ, сказавъ: „Помни, что *жена да боится своего мужа*, иначе будетъ безъ зубовъ“.—„Вылѣчилъ“! съ усмѣшкой замѣтилъ онъ мужу, воротившись во дворецъ.

При умѣньи Петра обращаться съ людьми, когда нужно, властно или запросто, по-царски или по-отечески, келейныя поученія вмѣстѣ съ продолжительнымъ общеніемъ въ трудахъ, горяхъ и радостяхъ устанавливали извѣстную близость отношеній между нимъ и его сотрудниками; а участливая простота, съ какою онъ входилъ въ частныя дѣла близкихъ людей, придавала этой близости отпечатокъ задушевной короткости. Послѣ дневныхъ трудовъ, въ досужіе вечерніе часы, когда Петръ по обыкновенію или уѣзжалъ въ гости, или у себя принималъ гостей, онъ бывалъ веселъ, обходителенъ, разговорчивъ, любилъ и вокругъ себя видѣть веселыхъ собесѣдниковъ, слышать непринужденную, умную бесѣду и терпѣть не могъ ничего, что разстраивало такую бесѣду, никакого ехидства, выходокъ, колкостей, а тѣмъ паче ссоръ и брани; провинившагося тотчасъ наказывали, заставляли *пить штрафъ*—опорожнить бокала три вина или одного *орла* (большой ковшъ), чтобъ „лишняго не вралъ и не задиралъ“. П. Толстой долго помнилъ, какъ онъ разъ принужденъ былъ выпить штрафъ за то, что принялся черезчуръ неосторожно расхваливать Италію. Ему и въ другой разъ пришлось пить штрафъ, только уже за излишнюю осторожность. Нѣкогда, въ 1682 г., какъ агентъ царевны Софьи и Ивана Милославскаго, онъ сильно замѣшался въ стрѣлецкій бунтъ и едва удержалъ голову на плечахъ, но во-время покаялся, получилъ прощеніе, умомъ и заслугами вошелъ въ милость и сталъ виднымъ дѣльцомъ, которымъ Петръ очень дорожилъ. Однажды, на пирушкѣ у корабельныхъ мастеровъ, подгулявъ и разблагодушествовавшись, гости принялись запросто

выкладывать царю, что у каждаго лежало на днѣ души. Толстой, незамѣтно уклонившійся отъ стакановъ, сѣлъ у камелька, задремалъ, точно во хмѣлю, опустилъ голову и даже снялъ парикъ, а между тѣмъ, покачиваясь, внимательно прислушивался къ откровенной болтовнѣ собесѣдниковъ царя. Петръ, по привычкѣ ходившій взадъ и впередъ по комнатѣ, замѣтилъ уловку хитреца и, указывая на него присутствующимъ, сказалъ: „Смотрите, повисла голова—какъ бы съ плечъ не свалилась“.—Не бойтесь, ваше величество, отвѣчалъ вдругъ очнувшійся Толстой:—она вамъ вѣрна и на мнѣ тверда.—„А! такъ онъ только притворился пьянымъ, продолжалъ Петръ:—поднесите-ка ему стакана три добраго флина (грѣтаго пива съ коньякомъ и лимоннымъ сокомъ), такъ онъ поравняется съ нами и такъ же будетъ трещать по-сорочьи“. И, ударяя его ладонью по плѣши, продолжалъ: „Голова, голова! кабы не такъ умна ты была, давно бъ я отрубить тебя велѣлъ“. Щекотливыхъ предметовъ, конечно, избѣгали, хотя господствовавшая въ обществѣ Петра непринужденность располагала неосторожныхъ или черезчуръ прямодушныхъ людей высказывать все, что приходило на умъ. Флотскаго лейтенанта Мишукова Петръ очень любилъ и цѣнилъ за знаніе морского дѣла, и ему первому изъ русскихъ довѣрилъ цѣлый фрегатъ. Разъ,—это было еще до дѣла царевича Алексѣя,—на пиру въ Кронштадтѣ, сидя за столомъ возлѣ государя, Мишуковъ, уже порядочно выпившій, задумался и вдругъ заплакалъ. Удивленный государь съ участіемъ спросилъ, что съ нимъ. Мишуковъ откровенно и во всеуслышаніе объяснилъ причину своихъ слезъ: мѣсто, гдѣ сидятъ они, новая столица, около него построенная, балтійскій флотъ, множество русскихъ моряковъ, наконецъ, самъ онъ, лейтенантъ Мишуковъ, командиръ фрегата, чувствующій, глубоко чувствующій на себѣ милости государя,—все это созданіе его государевыхъ рукъ; какъ вспомнилъ онъ все это, да подумалъ, что здоровье его, государя, все слабѣетъ, такъ и не могъ удержаться отъ слезъ. „На кого ты насъ покинешь?“ добавилъ онъ.—Какъ на кого? возразилъ Петръ: у меня есть наслѣдникъ-царевичъ.—„Охъ, да вѣдь онъ глупъ, все разстроитъ“. Петру понравилась звучавшая горькой правдой откровенность моряка; но грубоватость выраженія и неумѣстность неосторожнаго признанія подлежали взысканію. „Дуракъ! замѣтилъ ему Петръ съ усмѣшкой, тресnувъ его по головѣ:—этого при всѣхъ не говорятъ“.

Участники этихъ досужихъ товарищескихъ бесѣдъ увѣряютъ, что самодержавный государь тогда какъ бы исчезалъ въ веселомъ гостѣ или радушномъ хозяинѣ, хотя мы, зная разсказы

49958

Библиотека ВМФ СССР

про вспыльчивость Петра, скорѣе расположены думать, что благодушные его собесѣдники должны были чувствовать себя подобно путешественникамъ, любующимся видами съ вершины Везувія, въ ежеминутномъ ожиданіи пепла и лавы. Случались, особенно въ молодости, и грозныя вспышки. Въ 1698 г. на пиру у Лефорта Петръ едва не закололъ шпагой генерала Шеина, вспыливъ на него за торговлю офицерскими мѣстами въ своемъ полку. Лефортъ, удержавшій раздраженнаго царя, поплатился за это раной. Однако, несмотря на подобные случаи, видно, что гости на этихъ собраніяхъ все-таки чувствовали себя весело и непринужденно; корабельные мастера и флотскіе офицеры, подбадриваемые радушнымъ потчеваніемъ изъ рукъ развеселившагося Петра, запросто съ нимъ обнимались, клялись ему въ своей любви и усердіи, за что получали соотвѣтственныя выраженія признательности. Частное, не офиціальное обхожденіе съ Петромъ облегчалось одной новостью, заведенной еще во время потѣхъ въ Преображенскомъ и вмѣстѣ со всѣми потѣхами превратившейся незамѣтно въ прямое дѣло. Вѣрный рано усвоенному правилу, что руководитель долженъ прежде и лучше руководимыхъ знать дѣло, въ которомъ онъ ими руководитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ желая показать собственнымъ примѣромъ, какъ надо служить,—Петръ, заводя регулярную армію и флотъ, самъ проходилъ сухопутную и морскую службу съ низшихъ чиновъ: былъ барабанщикомъ въ ротѣ Лефорта, бомбардиромъ и капитаномъ, дослужился до генералъ-лейтенанта и даже до полнаго генерала. При этомъ онъ позволялъ производить себя въ высшіе чины не иначе, какъ за дѣйствительныя заслуги, за участіе въ дѣлахъ. Производство въ эти чины было правомъ потѣшнаго короля, князя-кесаря Ѳ. Ю. Ромодановскаго. Современники описываютъ торжественное пожалованіе Петра въ вице-адмиралы за морскую побѣду при Гангудѣ въ 1714 г., гдѣ онъ въ чинѣ контръ-адмирала командовалъ авангардомъ и взялъ въ плѣнъ командира шведской эскадры Эреншильда съ его фрегатомъ и нѣсколькими галерами. Среди полнаго собранія Сената возсѣдалъ на тронѣ князь-кесарь. Позванъ былъ контръ-адмиралъ, отъ котораго князь-кесарь принялъ письменный рапортъ о побѣдѣ. Рапортъ былъ прочитанъ всему Сенату. Слѣдовали устные вопросы побѣдителю и другимъ участникамъ побѣды. Затѣмъ сенаторы держали совѣтъ. Въ заключеніе контръ-адмиралъ, „въ разсужденіи вѣрно оказанныя и храбрыя службы отечеству“, единогласно провозглашенъ вице-адмираломъ. Однажды на просьбу нѣсколькихъ военныхъ о повышеніи ихъ чинами Петръ не шутя отвѣ-

чалъ: „Постараюсь, только какъ заблагоразсудитъ князь-кесарь. Видите, я и о себѣ просить не смѣю, хотя отечеству съ вами послужилъ вѣрно; надо выбрать удобный часъ, чтобъ его вели-

Петръ Великій.

Съ портрета напис. Карломъ Мооромъ
въ 1717 г.

чество не прогнѣвать; но что ни будетъ, я за васъ ходатай, хоть и разсердится. Помолимся прежде Богу,—авось, дѣло сладится“. Стороннему наблюдателю все это могло показаться пародіей, шуткой, если не шутовствомъ. Петръ любилъ мѣшать

шутку съ серіознымъ, дѣло съ бездѣльемъ; только у него обыкновенно выходило при этомъ такъ, что бездѣлье превращалось въ дѣло, а не наоборотъ. У него вѣдь и регулярная армія незамѣтно выросла изъ шуточныхъ полковъ, въ которые онъ игралъ въ Преображенскомъ и Семеновскомъ. Нося армейскіе и флотскіе чины, онъ дѣйствительно служилъ, точно исполнялъ служебныя обязанности и пользовался служебными правами, получалъ и расписывался въ полученіи присвоеннаго чину жалованья, при чемъ говаривалъ: „Эти деньги мои собственныя; я ихъ заслужилъ и могу употреблять, какъ хочу; но съ государственными доходами надо поступать осторожно: въ нихъ я долженъ дать отчетъ Богу“. Службой Петра по арміи и флоту съ ея кесарскимъ чинопроизводствомъ создавалась форма обращенія, упрощавшая и облегчавшая отношенія царя къ окружающимъ. Въ застольной компаніи, въ частныхъ, внѣслужебныхъ дѣлахъ, обращались къ сослуживцу, товарищу по полку или фрегату, „басу“ (корабельному мастеру) или капитану Петру Михайлову, какъ звался царь по морской службѣ. Становилась возможна довѣрчивая близость безъ панибратства. Дисциплина не колебалась, напротивъ, получала опору во внушительномъ примѣрѣ: опасно было шутить службой, когда ею не шутилъ самъ Петръ Михайловъ.

Въ своихъ воинскихъ инструкціяхъ Петръ предписывалъ капитану съ солдатами „братства не имѣть“, не брататься: это повело бы къ поблажкѣ, распущенности. Обращеніе самого Петра съ окружающими не могло повести къ такой опасности: въ немъ было слишкомъ много царя для того. Близость къ нему упрощала обхожденіе съ нимъ, могла многому научить добросовѣстнаго и понятливаго человѣка; но она не баловала, а обязывала, увеличивала отвѣтственность приближеннаго. Онъ высоко цѣнилъ талантъ и заслугу и много грѣховъ прощалъ даровитымъ и заслуженнымъ сотрудникамъ. Но ни за какіе таланты и заслуги не ослаблялъ онъ требованій долга; напротивъ, чѣмъ выше цѣнилъ онъ дѣльца, тѣмъ взыскательнѣе былъ къ нему и тѣмъ довѣрчивѣе полагался на него, требуя не только точнаго исполненія своихъ распоряженій, но, гдѣ нужно, и дѣйствій на свой страхъ, по собственному соображенію и почину, строго предписывая, чтобы въ донесеніяхъ ему отнюдь не было привычнаго *какъ изволишь*. Никого изъ своихъ сотрудниковъ не уважалъ онъ больше эрестферскаго и гумельсгофскаго побѣдителя шведовъ, Б. Шереметева, встрѣчалъ и провожалъ его, по выраженію очевидца, не какъ подданнаго, а какъ гостя-героя; но и тотъ несъ на себѣ всю тяжесть слу-

жебнаго долга. Предписавъ осторожному и медлительному, къ тому же не совсѣмъ здоровому фельдмаршалу ускоренный маршъ въ 1704 г., Петръ не даетъ ему покоя своими письмами, настойчиво требуя: „Иди днемъ и ночью, а если такъ не учинишь, не изволь на меня впредь пенять“. Сотрудники Петра хорошо понимали смыслъ такого предостереженія. Потомъ, когда Шереметевъ, не зная, что дѣлать за неимѣніемъ инструкцій, отвѣчалъ на запросъ царя, что согласно указу никуда итти не смѣетъ, Петръ съ укоризненной ироніей писалъ ему, что онъ похожъ на слугу, который, видя, что хозяинъ его тонетъ, не рѣшается его спасать, пока не справится, прописано ли у него въ наемномъ контрактѣ вытаскивать изъ воды утопающаго хозяина. Къ другимъ генераламъ въ случаѣ ихъ неисправности Петръ обращался уже безъ всякой ироніи, съ суровой прямотой. Въ 1705 г., задумавъ нападеніе на Ригу, онъ запретилъ пропускать туда Двиной товары. Кн. Репнинъ по недоразумѣнію пропустилъ лѣсъ и получилъ отъ Петра письмо съ такими словами: „Негг, сегодня получилъ я вѣдомость о вашемъ толь худомъ поступкѣ, за что можешь шеею заплатить; впредь же, аще единая щепа пройдетъ, ей Богомъ клянусь, безъ головы будешь“.

Зато и умѣлъ Петръ цѣнить своихъ сподвижниковъ. Онъ уважалъ въ нихъ столько же таланты и заслуги, сколько и нравственныя качества, особенно преданность, и это уваженіе считалъ одною изъ первѣйшихъ обязанностей государя. За своимъ обѣденнымъ столомъ онъ пивалъ тостъ „за здравіе тѣхъ, кто любитъ Бога, меня и отечество“, и сыну вмѣнялъ въ непремѣнную обязанность любить вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, будутъ ли они свои или чужіе. Кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій, страшный начальникъ тайной полиціи, „князь-кесарь“ въ шуточной компанейской іерархіи, „собою видомъ какъ монстра, нравомъ злой тиранъ“, по отзыву современниковъ, или просто „звѣрь“, какъ величалъ его самъ Петръ въ минуты недовольства имъ, не отличался особенно выдающимися способностями, только „любилъ пить непрестанно и другихъ поить да ругаться“; но онъ былъ преданъ Петру, какъ никто другой, и за то пользовался его безмѣрнымъ довѣріемъ и наравнѣ съ фельдмаршаломъ Б. П. Шереметевымъ имѣлъ право входить въ кабинетъ Петра безъ доклада—преимущество, которое не всегда имѣлъ даже самъ „полудержавный властелинъ“ Меншиковъ. Уваженіе къ заслугамъ своихъ сотрудниковъ иногда получало у Петра задушевно-теплое выраженіе. Разъ, въ разговорѣ съ лучшими своими генералами, Шереметевымъ, М. Голицынымъ и Репни-

нымъ, о славныхъ полководцахъ Франціи, онъ съ одушевленіемъ сказалъ: „Слава Богу, дожилъ я до своихъ Тюренновъ, только вотъ Сюллія у себя еще не вижу“. Генералы поклонились и поцѣловали у царя руку, а онъ поцѣловалъ ихъ въ лобъ. Своихъ сподвижниковъ Петръ не забывалъ и на чужбинѣ. Въ 1717 г., осматривая укрѣпленія Намюра въ обществѣ офицеровъ, отличившихся въ войнѣ за испанское наслѣдство, Петръ былъ чрезвычайно доволенъ ихъ бесѣдой, самъ разсказывалъ имъ объ осадахъ и сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ, и съ сіяющимъ отъ радости лицомъ сказалъ коменданту: „Словно я нахожусь теперь въ отечествѣ среди своихъ друзей и офицеровъ“. Вспомнивъ разъ о покойномъ Шереметевѣ († 1719 г.), Петръ, вздохнувъ, съ грустнымъ предчувствіемъ сказалъ окружающимъ: „Нѣтъ уже Бориса Петровича, скоро не будетъ и насъ; но его храбрость и вѣрная служба не умрутъ и всегда будутъ памятны въ Россіи“. Незадолго до своей смерти онъ мечталъ соорудить памятники своимъ покойнымъ военнымъ сподвижникамъ—Лефорту, Шеину, Гордону, Шереметеву, говоря про нихъ: „Сіи мужи—вѣрностію и заслугами вѣчные въ Россіи монументы“. Ему хотѣлось поставить эти памятники въ Александро-Невскомъ монастырѣ подъ сѣнію древняго святого князя, невскаго героя. Рисунки памятниковъ были уже отправлены въ Римъ къ лучшимъ скульпторамъ; но за смертію императора дѣло не состоялось.

IV.

Воспитывая себѣ дѣльцовъ самымъ обхожденіемъ съ ними, требованіями служебной дисциплины, собственнымъ примѣромъ, наконецъ, уваженіемъ къ таланту и заслугѣ, Петръ хотѣлъ, чтобы его сотрудники ясно видѣли, во имя чего онъ требуетъ отъ нихъ такихъ усилій, и хорошо понимали какъ его самого, такъ и дѣло, которое вели по его указаніямъ,—хотя бы только понимали, если ужъ не могли въ душѣ сочувствовать ни ему самому, ни его дѣлу. Да и самое это дѣло было настолько серіозно само по себѣ и такъ чувствительно всѣхъ задѣвало, что поневолѣ заставляло надъ нимъ задумываться. „Трехвременная жестокая школа“, какъ называлъ Петръ длившуюся три школьныхъ семилѣтія шведскую войну, пріучала всѣхъ проходившихъ ее учениковъ, какъ и самого учителя, ни на минуту не выпускать изъ виду тяжелыхъ задачъ, какія она ставила на очередь, отдавать себѣ отчетъ въ ходѣ дѣлъ, подсчитывать добытые успѣхи, запоминать и соображать получен-

ные уроки и допущенныя ошибки. Въ досужіе часы, иногда и за пиршественнымъ столомъ, въ возбужденномъ и приподнятомъ настроеніи по случаю какого-нибудь радостнаго событія, въ обществѣ Петра и завязывались бесѣды о такихъ предметахъ,

Петръ Великій
въ одеждѣ корабельнаго баса (мастера).

къ какимъ рѣдко обращаются въ минуты отдыха много занятые люди. Современники записали почти только монологи самого царя, который обыкновенно и заводилъ эти разговоры. Но едва ли гдѣ еще можно найти болѣе явственное выраженіе того, о чемъ хотѣлъ Петръ заставить думать и какъ настроить свое общество. Содержаніе бесѣдъ было довольно разнообразно: говорили о Библіи, о мощахъ, о безбожникахъ, о народныхъ суевѣріяхъ, о Карлѣ XII, о заграничныхъ порядкахъ. Иногда

среди собесѣдниковъ заходила рѣрь и о предметахъ болѣе имъ близкихъ, практическихъ, о началѣ и значеніи того дѣла, которое они дѣлали, о планахъ будущаго, о томъ, что имъ предстоитъ еще сдѣлать. Тутъ-то и сказывалась въ Петрѣ та скрытая духовная сила, которая поддерживала его дѣятельность и обаянію которой волей-неволей подчинялись его сотрудники. Видимъ, какъ война и возбуждаемая ею реформа поднимала ихъ, напрягала ихъ мысль, воспитывала ихъ политическое сознаніе.

Петръ, особенно къ концу царствованія, очень интересовался прошлымъ своего отечества, заботился о собираніи и сохраненіи историческихъ памятниковъ, говорилъ ученому Ѳеофану Прокоповичу: „Когда же мы увидимъ полную исторію Россіи?“ неоднократно заказывалъ написать общедоступное руководство по русской исторіи. Изрѣдка мимоходомъ вспоминалъ онъ въ бесѣдахъ, какъ начиналась его дѣятельность, и разъ въ этихъ воспоминаніяхъ мелькнула древняя русская лѣтопись. Казалось бы, какое участіе могла принять въ его дѣятельности эта лѣтопись? Но въ дѣловомъ умѣ Петра каждое пріобрѣтаемое знаніе, каждое набѣгающее впечатлѣніе получало практическую обработку.

Онъ начиналъ эту дѣятельность подъ гнетомъ двухъ наблюденій, вынесенныхъ имъ изъ знакомства съ положеніемъ Россіи, какъ только онъ началъ понимать его. Онъ видѣлъ, что Россія лишена тѣхъ средствъ внѣшней силы и внутренняго благосостоянія, какія даютъ просвѣщенной Европѣ знаніе и искусство; видѣлъ также, что шведы и турки съ татарами лишали ее самой возможности заимствовать эти средства, отрѣзавъ ее отъ европейскихъ морей: „Разумнымъ очамъ, какъ онъ писалъ сыну, къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли“. Вывести Россію изъ этого двойного затрудненія, пробиться къ европейскому морю и установить непосредственное общеніе съ образованнымъ міромъ, сдернуть съ русскихъ глазъ наброшенную на нихъ непріятелемъ завѣсу, мѣшающую имъ видѣть то, что имъ хочется видѣть,—это была первая, хорошо выясненная и твердо поставленная цѣль Петра.

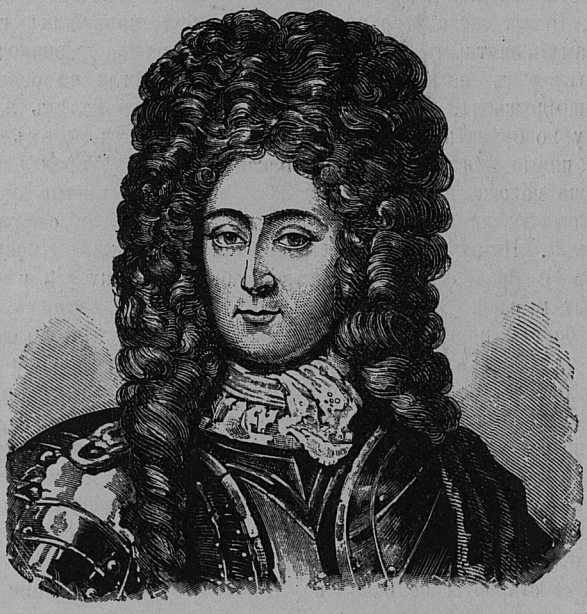
Однажды, въ присутствіи гр. Шереметева и генералъ-адмирала Апраксина, Петръ разсказывалъ, что въ ранней молодости онъ читалъ лѣтопись Нестора и оттуда узналъ, какъ Олегъ посылалъ на судахъ войско подъ Царьградъ. Съ этихъ поръ запало въ немъ желаніе сдѣлать то же противъ враговъ христіанства, вѣроломныхъ турокъ, и отмстить имъ за обиды,

какія они вмѣстѣ съ татарами наносили Россіи. Эта мысль окрѣпла въ немъ, когда во время поѣздки въ Воронежъ въ 1694 году, за годъ до перваго азовскаго похода, обозрѣвая теченіе Дона, онъ увидѣлъ, что этой рѣкой, взявъ Азовъ, можно выйти въ Черное море, и рѣшилъ завести въ пригодномъ мѣстѣ кораблестроеніе. Точно также первое посѣщеніе города Архангельска породило въ немъ охоту завести и тамъ строеніе судовъ для торговли и морскихъ промысловъ. „И вотъ теперь, продолжалъ онъ, когда при помощи Божіей у насъ есть Кронштадтъ и Петербургъ, а вашей храбростью завоеваны Рига, Ревель и другіе приморскіе города,—строящимися у насъ кораблями мы можемъ защищаться отъ шведовъ и другихъ морскихъ державъ. Вотъ почему, друзья мои, полезно государю путешествовать по своей землѣ и замѣчать, что можетъ служить къ пользѣ и славѣ государства“. Въ концѣ жизни, осматривая работы на Ладожскомъ каналѣ и довольный ихъ ходомъ, онъ говорилъ строителямъ: „Видимъ, какъ Невой ходятъ къ намъ суда изъ Европы; а когда кончимъ вотъ этотъ каналъ, увидимъ, какъ нашей Волгой придутъ торговать въ Петербургъ и азіаты“. Планъ канализаціи Россіи былъ одною изъ раннихъ и блестящихъ идей Петра, когда это дѣло было еще новостью и на Западѣ. Онъ мечталъ, пользуясъ рѣчной сѣтью Россіи, соединить всѣ моря, примыкающія къ русской равнинѣ, и такимъ образомъ сдѣлать Россію торговой и культурной посредницей между двумя мірами, Западомъ и Востокомъ, Европой и Азіей. Вышневолоцкая система, замѣчательная по остроумному подбору вошедшихъ въ нее рѣкъ и озеръ, осталась единственнымъ законченнымъ при Петрѣ опытомъ осуществленія задуманнаго грандіознаго плана. Онъ смотрѣлъ еще дальше, за предѣлы русской равнины, за Каспій, куда посылалъ экспедицію князя Бековича-Черкасскаго, между прочимъ, съ цѣлью развѣдать и описать сухой и водный, особенно водный путь въ Индію; за нѣсколько дней до смерти вспомнилъ онъ давнюю свою мысль объ отысканіи дороги въ Китай и Индію Ледовитымъ океаномъ. Уже страдая предсмертными припадками, онъ спѣшилъ написать инструкцію Камчатской экспедиціи Беринга, которая должна была разслѣдовать, не соединяется ли Азія на сѣверо-востокѣ съ Америкой,—вопросъ, на который давно уже и настойчиво обращалъ вниманіе Петра Лейбницъ. Передавая документъ Апраксину, онъ говорилъ: „Нездоровье заставило меня сидѣть дома; на-днихъ я вспомнилъ, о чемъ думалъ давно, но чему другія дѣла мѣшали,—о дорогѣ въ Китай и Индію. Въ послѣднюю

поѣздку мою за границу ученые люди тамъ говорили мнѣ, что найти эту дорогу возможно. Не будемъ ли мы счастливѣе англичанъ и голландцевъ? Распорядись за меня, Ѳедоръ Матвѣевичъ, все исполнить по пунктамъ, какъ написано въ этой инструкціи“,

Чтобы быть умѣлой посредницей между Азіей и Европой. Россіи, естественно, надлежало не только знать первую, но и обладать знаніями и искусствами послѣдней. На бесѣдахъ, разумѣется, заходила рѣчь и объ отношеніи къ Европѣ, къ иноземцамъ, приходившимъ оттуда въ Россію. Этотъ вопросъ давно, чуть не весь XVII вѣкъ, занималъ русское общество. Петра съ первыхъ лѣтъ царствованія по низверженіи Софьи сильно осуждали за привязанность къ иноземнымъ обычаямъ и къ самимъ иноземцамъ. Въ Москвѣ и Нѣмецкой Слободѣ много было толковъ о почестяхъ, съ какими Петръ въ 1699 г. хоронилъ Гордона и Лефорта. Онъ ежедневно навѣщалъ больного Гордона, оказавшаго ему большія услуги въ азовскихъ походахъ и во второй стрѣлецкій мятежъ 1697 г., самъ закрылъ глаза покойнику и поцѣловалъ его въ лобъ; при погребеніи, бросивъ землю на опущенный въ могилу гробъ, Петръ сказалъ предстоящимъ: „Я даю ему только горсть земли, а онъ мнѣ далъ цѣлое пространство съ Азовомъ“. Еще съ большей горестью хоронилъ Петръ Лефорта: самъ шелъ за его гробомъ, обливался слезами, слушая надгробную проповѣдь реформатскаго пастора, восхвалявшаго заслуги покойнаго адмирала, и прощался съ нимъ въ послѣдній разъ съ сокрушеніемъ, вызвавшимъ крайнее удивленіе присутствовавшихъ иностранцевъ; а на похоронномъ обѣдѣ сдѣлалъ цѣлую сцену русскимъ боярамъ. Они не особенно скорбѣли о смерти царскаго любимца, и нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь минутной отлучкой царя, пока накрывали поминальный столъ, спѣшили убраться изъ дома, но на крыльцѣ наткнулись на возвращавшагося Петра. Онъ разсердился и, воротивъ ихъ въ залъ, привѣтствовалъ рѣчью, въ которой говорилъ, что понимаетъ ихъ побѣгъ, что они боятся выдать себя, не надѣясь выдержать за столомъ притворную печаль. „Какіе ненавистники! Но я научу васъ почитать достойныхъ людей. Вѣрность Франца Яковлевича пребудетъ въ сердцѣ моемъ, доколѣ я живъ, и по смерти понесу ее съ собою въ могилу!“ Но Гордонъ и Лефортъ были исключительные иностранцы: Петръ цѣнилъ ихъ за преданность и заслуги, какъ потомъ цѣнилъ Остермана за таланты и знанія. Съ Лефортомъ онъ былъ связанъ еще личной дружбой и преувеличивалъ достоинства „дебошана французскаго“, какъ назвалъ его кн. Б. Куракинъ; готовъ былъ даже признать его

начинателемъ своей военной реформы. „Онъ началъ, а мы довершили“, говаривалъ о немъ Петръ впослѣдствіи (Зато и пошелъ въ народѣ слухъ, что Петръ былъ сынъ „Лаферта да нѣмки беззаконной“, подкинутый царицѣ Натальѣ). Но къ иностранцамъ вообще Петръ относился разборчиво и безъ увле-



Францъ Яковлевичъ Лефортъ.

ченія. Въ первые годы дѣятельности, заводя новыя дѣла военныя и промышленныя, онъ не могъ обойтись безъ нихъ, какъ инструкторовъ, свѣдущихъ людей, какихъ не находилъ между своими; но при первой возможности старался замѣнять ихъ русскими. Уже въ манифестѣ 1705 г. онъ прямо признается, что дорого стоившими наемными офицерами „желаемаго не возмогли достигнуть“, и предписываетъ болѣе строгія условія пріема ихъ на русскую службу. Паткуль сидѣлъ въ крѣпости за растрату

денегъ, назначенныхъ на русское войско; а съ наемнымъ австрійскимъ фельдмаршаломъ Огильви, человѣкомъ дѣловитымъ, но „дерзновенникомъ и досадителемъ“, какъ называлъ его Петръ, онъ кончилъ тѣмъ, что приказалъ его арестовать и потомъ „съ непріязнью“ отослалъ обратно.

Столь же расчетливо было отношеніе Петра и къ иноземнымъ обычаямъ, какъ оно сказывалось въ бесѣдахъ. Разъ, при шутливомъ столкновеніи съ княземъ-кесаремъ изъ-за длиннаго бешмета, въ какомъ Ромодановскій пріѣхалъ въ Преображенское, Петръ сказалъ, обращаясь къ присутствовавшимъ гвардейцамъ и знатнымъ господамъ: „Длинное платье мѣшало проворству рукъ и ногъ стрѣльцовъ; они не могли ни работать хорошо ружьемъ, ни маршировать. Для того-то велѣлъ я Лефорту пообрѣзать сперва зипуны и зарукавья, а потомъ сдѣлать новые мундиры по европейскому обычаю. Старая одежда больше похожа на татарскую, чѣмъ на сродную намъ легкую славянскую; не годится являться на службу въ спальномъ платьѣ“. Петру же приписывали и обращенныя къ боярамъ слова о брадобритіи, отвѣчающія обычному тону его рѣчи и образу мыслей: „Наши старики по невѣжеству думаютъ, что безъ бороды не войдутъ въ царство небесное, хотя оно отверство для всѣхъ честныхъ людей, съ бородами ли они или безъ бородъ, съ париками или плѣшивые“. Петръ видѣлъ только дѣло приличія, удобства или суевѣрія въ томъ, чему старорусское общество придавало значеніе религіозно-національнаго вопроса, и ополчался не столько противъ самыхъ обычаевъ русской старины, сколько противъ суевѣрныхъ представленій, съ ними соединенныхъ, и упрямства, съ какимъ ихъ отстаивали.

Это старорусское общество, такъ ожесточенно обвинявшее Петра въ замѣнѣ добрыхъ старыхъ обычаевъ дурными новыми, считало его беззавѣтнымъ западникомъ, который предпочитаетъ все западно-европейское русскому не потому, что оно лучше русскаго, а потому, что оно не русское, а западно-европейское. Ему приписывали увлеченія, столь мало сродныя его разсудительному характеру. По случаю учрежденія въ Петербургѣ ассамблей, очередныхъ увеселительныхъ собраній въ знатныхъ домахъ, кто-то при государѣ сталъ расхваливать парижскіе обычаи и манеры свѣтскаго обхожденія. Петръ, видавшій Парижъ, возразилъ: „Хорошо перенимать у французовъ науки и художества, и я бы хотѣлъ видѣть это у себя; а въ прочемъ Парижъ воняетъ“. Онъ зналъ, что хорошо въ Европѣ, но никогда не обольщался ею, и то хорошее, что удалось пе-

ренять оттуда, считалъ не ея благосклоннымъ даромъ, а милостью Провидѣнія. Въ одной собственноручной программѣ празднованія годовщины Ништадтскаго мира онъ предписывалъ возможно сильнѣе выразить мысль, что иностранцы всячески

Кн. Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

старались не допустить насъ до свѣта разума, да проглядѣли, точно въ глазахъ у нихъ помутилось,—и онъ признавалъ это чудомъ Божіимъ, содѣяннымъ для русскаго народа. „Сіе пространно развести надлежитъ, гласила программа,—и чтобъ сенсу (смыслу) было довольно“. Преданіе донесло отзвукъ одной бесѣды Петра съ приближенными объ отношеніи Россіи къ Западной Европѣ, когда онъ будто бы сказалъ: „Европа нужна

намъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы можемъ повернуться къ ней задомъ".

Въ чемъ сущность реформы, что она сдѣлала и что ей предстоитъ еще сдѣлать? Эти вопросы все болѣе занимали Петра по мѣрѣ того, какъ облегчалась тяжесть шведской войны. Военныя опасности всего болѣе ускоряли движеніе реформы. Потому главное ея дѣло было военное, „чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли и прежде незнамые въ свѣтѣ нынѣ почитаемы стали", какъ писалъ Петръ сыну въ 1715 г. А что дальше? На одной бесѣдѣ, живо рисующей отношенія Петра къ сотрудникамъ и сотрудниковъ другъ къ другу, на этотъ вопросъ пришлось отвѣчать кн. Я. Ѳ. Долгорукому, правдивѣйшему законовѣду своего времени, нерѣдко смѣло споришему съ Петромъ въ Сенатѣ. За эти споры Петръ иногда досадовалъ на Долгорукаго, но всегда уважалъ его. Разъ, воротившись изъ Сената, онъ говорилъ про князя: „Кн. Яковъ въ Сенатѣ прямой мнѣ помощникъ: онъ судитъ дѣльно и мнѣ не потакаетъ, безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо". Въ 1717 г. блеснула, наконецъ, надежда на скорое окончаніе тяжкой войны, чего Петръ желалъ нетерпѣливо: въ Голландіи открылись предварительные переговоры о мирѣ съ Швеціей, и былъ назначенъ конгрессъ на Аландскихъ островахъ. Въ этомъ году разъ, сидя за столомъ на пиру со многими знатными людьми. Петръ разговорился о своемъ отцѣ, о его дѣлахъ въ Польшѣ, о затруденіяхъ, какія надѣлалъ ему патріархъ Никонъ. Мусинъ-Пушкинъ принялся выхвалять сына и унижать отца, говоря, что царь Алексѣй самъ мало что дѣлалъ, а больше Морозовъ съ другими великими министрами; все дѣло въ министрахъ: каковы министры у государя, таковы и его дѣла. Государя раздосадовали эти рѣчи; онъ всталъ изъ-за стола и сказалъ Мусину-Пушкину: „Въ твоемъ порицаніи дѣлъ моего отца и въ похвалѣ моимъ больше брани на меня, чѣмъ я могу стерпѣть". Потомъ, подошедши къ кн. Я. Ѳ. Долгорукому и ставъ за его стуломъ, говорилъ ему: „Вотъ ты больше всѣхъ меня бранишь и такъ больно досаждаешь мнѣ своими спорами, что я часто едва не теряю терпѣнія; а какъ разсужу, то и увижу, что ты искренно меня и государство любишь и правду говоришь, за что я внутренно тебѣ благодаренъ. А теперь я спрошу тебя, какъ ты думаешь о дѣлахъ отца моего и моихъ, и увѣренъ, что ты нелицемѣрно скажешь мнѣ правду". Долгорукій отвѣчалъ: „Изволь, государь, присѣсть, а я подумаю". Петръ сѣлъ подлѣ него, а тотъ по привычкѣ сталъ разглаживать свои длинные

усы. Всѣ на него смотрѣли и ждали, что онъ скажетъ. Помолчавъ немного, князь началъ такъ:

„На вопросъ твой нельзя отвѣтить коротко, потому что у тебя съ отцомъ дѣла разныя: въ одномъ ты больше заслуживаешь хвалы и благодарности, въ другомъ—твой отецъ. Три главныя дѣла у царей: первое—внутренняя расправа и правосудіе; это ваше главное дѣло. Для этого у отца твоего было больше досуга, а у тебя еще и времени подумать о томъ не было, и потому въ этомъ отецъ твой больше тебя сдѣлалъ. Но когда ты займешься этимъ, можетъ быть, и больше отцова сдѣлаешь. Да и пора ужъ тебѣ о томъ подумать. Другое дѣло—военное. Этимъ дѣломъ отецъ твой много хвалы заслужилъ и великую пользу государству принесъ, устройствомъ регулярныхъ войскъ тебѣ путь показалъ; но послѣ него неразумные люди всѣ его начинанія разстроили, такъ что ты почти все вновь начиналъ и въ лучшее состояніе привелъ. Однако, хоть и много я о томъ думалъ, но еще не знаю, кому изъ васъ въ этомъ дѣлѣ предпочтеніе отдать: конецъ твоей войны прямо намъ это покажетъ. Третье дѣло—устройство флота, внѣшніе союзы, отношенія къ иностраннымъ государствамъ. Въ этомъ ты гораздо больше пользы государству принесъ и себѣ чести заслужилъ, нежели твой отецъ, съ чѣмъ, надѣюсь, и самъ согласишься. А что говорятъ, якобы каковы министры у государей, таковы и дѣла ихъ, такъ я думаю о томъ совсѣмъ напротивъ, что мудрые государи умѣютъ и умныхъ совѣтниковъ выбирать и вѣрность ихъ наблюдать. Потому у мудраго государя не можетъ быть глупыхъ министровъ, ибо онъ можетъ о достоинствѣ каждаго разсудить и правые совѣты отличить“. Петръ выслушалъ все терпѣливо и, расцѣловалъ Долгорукаго, сказалъ: „*Благій рабе вѣрный, въ малѣ былъ еси мнѣ вѣренъ, надъ многими тя поставлю*“. „Меншикову и другимъ сіе весьма было прискорбно,—такъ заканчиваетъ свой разсказъ Татищевъ,—и они всѣми мѣрами усиливались озлобить его государю, но ничего не успѣли“.

Скоро представился и удобный къ тому случай. Въ 1718 г. слѣдственное дѣло о царевичѣ вскрыло предосудительныя сношенія съ нимъ одного изъ князей Долгорукихъ и дерзкія слова его о царѣ. Бѣда потерять доброе имя грозила фамиліи. Но энергическое оправдательное письмо старшаго въ родѣ князя Якова къ Петру, уваженное царемъ, помогло провинившемуся избавиться отъ розыска, а фамиліи отъ безчестья носить званіе „злодѣйскаго рода“.

Петра занимало не соперничество съ отцомъ, не счеты съ

прошедшимъ, а результаты настоящаго, оцѣнка своей дѣятельности. Онъ одобрилъ все, сказанное на пиру княземъ Яковомъ, согласился, что на ближайшей очереди реформы стало устройство внутренней расправы, обезпеченіе правосудія. Отдавая предпочтеніе въ этомъ дѣлѣ отцу, князь Долгорукій имѣлъ въ виду его законодательство, особенно Уложеніе. Какъ практическій законовѣдъ, онъ лучше многихъ понималъ и значеніе этого памятника для своего времени, и его устарѣлость во многомъ для настоящаго. Но и Петръ не хуже Долгорукаго сознавалъ это, и самъ возбудилъ вопросъ объ этомъ задолго до бесѣды 1717 г., еще въ 1700 г. приказавъ пересмотрѣть и пополнить Уложеніе новоизданными узаконеніями, а потомъ въ 1718 г., вскорѣ послѣ описанной бесѣды, предписалъ свести русское Уложеніе со шведскимъ. Но ему не удалось это дѣло, какъ не удавалось оно и послѣ него цѣлое столѣтіе. Князь Долгорукій не договаривалъ, говорилъ не все, что по мысли Петра было нужно. Законодательство—только часть предстоявшаго дѣла. Пересмотръ Уложенія заставилъ обратиться къ шведскому законодательству въ надеждѣ найти тамъ готовыя нормы, выработанныя наукой и опытомъ европейскаго народа. Такъ было и во всемъ: для удовлетворенія домашнихъ нуждъ спѣшили воспользоваться произведеніями знанія и опыта европейскихъ народовъ, готовыми плодами чужой работы. Но не все же брать готовые плоды чужого знанія и опыта, теоріи и техники, того, что Петръ называлъ „науками и искусствами“. Это значило бы вѣчно жить чужимъ умомъ, „подобно молодой птицѣ въ ротъ смотрѣть“, по выраженію Петра. Необходимо пересадить самые корни на свою почву, чтобы они дома производили свои плоды, овладѣть источниками и средствами духовной и матеріальной силы европейскихъ народовъ. Это была всегдашняя мысль Петра, основная и плодотворнѣйшая мысль его реформы. Она нигдѣ и никогда не выходила у него изъ головы. Осматривая „вонючій“ Парижъ, онъ думалъ о томъ, какъ бы видѣть у себя такой же разцвѣтъ наукъ и искусствъ; разсматривая проектъ своей Академіи Наукъ, онъ при Блументростѣ, Брюссѣ и Остерманѣ говоритъ Нартову, составлявшему проектъ Академіи Художествъ: „Надлежитъ притомъ быть департаменту художествъ, а паче механическому; желаніе мое насадить въ столицѣ сей рукомесліе, науки и художества вообще“.

Война мѣшала рѣшительному приступу къ исполненію этой мысли. Да и самая эта война была предпринята съ цѣлью открыть прямые и свободные пути къ тѣмъ же источникамъ и

средствамъ. Мысль эта росла въ умѣ Петра по мѣрѣ того, какъ передъ его глазами начиналъ свѣтиться желанный конецъ войны. Передавая Апраксину въ началѣ января 1725 г. инструкцію Камчатской экспедиціи, написанную уже слабѣющей

Борисъ Петровичъ Шереметевъ
генералъ-фельдмаршалъ.

рукой, онъ признался, что, это его давняя мысль, что „оградя отечество безопасностію отъ непріятеля, надлежитъ стараться находить славу государству чрезъ искусство и науки". Безпокойно заботясь о будущемъ, нерѣдко говоря о своихъ недугахъ и возможности скорой смерти, Петръ едва ли надѣялся прожить двѣ жизни, чтобы по окончаніи войны исполнить и это второе свое великое дѣло. Но онъ вѣрилъ, что оно будетъ сдѣлано, если не имъ, то его преемниками, и эту вѣру

высказалъ какъ въ словахъ—если только они были сказаны—о нѣсколькихъ десяткахъ лѣтъ русской нужды въ Западной Европѣ, такъ и по другому случаю. Въ 1724 г. лейбъ-медикъ Блументростъ просилъ отправлявшагося по порученію Петра въ Швецію Татищева подыскивать тамъ ученыхъ для Академіи Наукъ, открытіе которой онъ подготовлялъ, какъ будущій ея президентъ. „Напрасно ищете сѣмянъ, возразилъ Татищевъ, когда самой почвы для посѣва еще не приготовлено". Вслушавшись въ этотъ разговоръ, Петръ, по мысли котораго учреждалась Академія, отвѣчалъ Татищеву такою притчей. Нѣкій дворянинъ хотѣлъ у себя въ деревнѣ мельницу построить, а воды у него не было. Тогда, видя обильныя водой озера и болота у сосѣдей, онъ началъ съ ихъ согласія каналъ въ свою деревню копать и матеріалъ для мельницы заготовлять, и хотя при жизни не успѣлъ этого къ концу привести, но дѣти, жалѣя отцовыхъ издержекъ, по-неволѣ продолжали и доканчивали дѣло отца. Эта крѣпкая вѣра поддерживалась въ Петрѣ и со стороны, такимъ славнымъ ученымъ, какъ Лейбницъ, давно предлагавшій ему и учрежденіе высшей ученой коллегіи въ С.-Петербургѣ съ многосложными научными и практическими задачами, и изслѣдованіе границъ между Азіей и Америкой, и широкіе планы водворенія наукъ и художествъ въ Россіи, съ раскинутой по всей странѣ сѣтью академій, университетовъ, гимназій и, главное, съ надеждой на полный успѣхъ этого дѣла. На взглядъ Лейбница это не бѣда, что здѣсь недоставало ни научныхъ преданій и навыковъ, ни учебныхъ пособій и вспомогательныхъ учрежденій, что Россія въ этомъ отношеніи бѣлый листъ бумаги, по выраженію философа, или непочатое поле, гдѣ надо все заводить вновь. Это даже лучше, потому что, заводя все вновь, можно избѣгнуть недостатковъ и ошибокъ, какихъ надѣлала Европа, потому что при возведеніи новаго зданія скорѣе можно достигнуть совершенства, чѣмъ при исправленіи и перестройкѣ стараго.

V.

Трудно сказать, кѣмъ была внушена или какъ возникла въ умѣ Петра мысль о круговоротѣ наукъ, тѣсно связанная съ его просвѣтительными помыслами. Мысль эта высказана въ припискѣ къ черновому письму, которое Лейбницъ писалъ Петру въ 1712 году; но въ письмѣ, посланномъ къ царю, эта приписка опущена. „Провидѣніе, писалъ философъ въ этой припискѣ,—повидимому, хочетъ, чтобы наука обошла кругомъ весь

земной шаръ и теперь перешла въ Скиѳію, и потому избрало Ваше Величество орудіемъ, такъ какъ Вы можете и изъ Европы и изъ Азіи взять лучшее и усовершенствовать то, что сдѣлано въ обѣихъ частяхъ свѣта". Можетъ быть, эту мысль Лейбницъ высказывалъ Петру въ личной бесѣдѣ съ нимъ. Нѣчто, похожее на ту же мысль, какъ бы вскользь высказано и въ одномъ сочиненіи славянскаго патріота Юрія Крижанича: послѣ многихъ народовъ древняго и новаго міра, поработавшихъ на поприщѣ наукъ, очередь дошла наконецъ и до славянъ. Но это сочиненіе, писанное въ Сибири, при царѣ Алексѣѣ, едва ли было извѣстно Петру.

Какъ бы то ни было, въ одной превосходной бесѣдѣ съ сотрудниками Петръ изложилъ ту же мысль по-своему, кстати воспользовавшись ею, чтобы дать почувствовать нѣкоторымъ изъ собесѣдниковъ, что ему слышенъ идущій вокругъ него шопотъ не о пользѣ, даже не о безполезности наукъ, а о прямомъ вредѣ ихъ. Въ 1714 году, празднуя спускъ военнаго корабля въ Петербургѣ, царь былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и за столомъ на палубѣ, среди приглашеннаго на пиръ высшаго общества, много говорилъ объ успѣшномъ ходѣ русскаго кораблестроенія. Между прочимъ онъ обратился съ цѣлой рѣчью прямо къ сидѣвшимъ около него старымъ боярамъ, которые видѣли мало проку въ опытности и знаніяхъ, пріобрѣтенныхъ русскими министрами и генералами, искренно преданными реформѣ. Надобно имѣть въ виду, что рѣчь изложена бывшимъ на торжествѣ нѣмцемъ, брауншвейгскимъ резидентомъ Веберомъ, который всего мѣсяца два какъ пріѣхалъ въ Петербургъ и едва ли былъ въ состояніи уловить и точно передать ея оттѣнки, хотя и называетъ ее самой глубокомысленной и остроумной изъ всѣхъ рѣчей, имъ слышанныхъ отъ царя. Читая его изложеніе, легко замѣтить, что нѣкоторымъ мыслямъ царя онъ далъ свою окраску и свое толкованіе.

„Кому изъ васъ, братцы мои, хоть бы во снѣ снилось лѣтъ 30 тому назадъ, такъ началъ царь,—что мы съ вами здѣсь, у Остзейскаго моря, будемъ плотничать и въ одеждѣ нѣмцевъ, въ завоеванной у нихъ же нашими трудами и мужествомъ странѣ построимъ городъ, въ которомъ вы живете, что мы доживемъ до того, что увидимъ такихъ храбрыхъ и побѣдоносныхъ солдатъ и матросовъ русской крови, такихъ сыновъ, побывавшихъ въ чужихъ странахъ и возвратившихся домой столь смышленными, что увидимъ у себя такое множество иноземныхъ художниковъ и ремесленниковъ, доживемъ до того, что меня и васъ станутъ такъ уважать чужестранные

государи? Историки полагаютъ колыбель всѣхъ знаній въ Греціи, откуда по превратности временъ они были изгнаны, перешли въ Италію, а потомъ распространились было и по всѣмъ австрійскимъ землямъ, но невѣжествомъ нашихъ предковъ были пріостановлены и не проникли далѣе Польши; а поляки, равно какъ и всѣ нѣмцы, пребывали въ такомъ же непроходимомъ мракѣ невѣжества, въ какомъ мы пребываемъ доселѣ, и только непомѣрными трудами правителей своихъ открыли глаза и усвоили себѣ прежнія греческія искусства, науки и образъ жизни. Теперь очередь приходитъ до насъ, если только вы поддержите меня въ моихъ важныхъ предпріятіяхъ, будете слушаться безъ всякихъ отговорокъ и привыкнете свободно распознавать и изучать добро и зло. Это передвиженіе наукъ я приравниваю къ обращенію крови въ человѣческомъ тѣлѣ, и сдается мнѣ, что современемъ онѣ оставятъ теперешнее свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, продержатся нѣсколько вѣковъ у насъ и затѣмъ снова возвратятся въ истинное отечество свое—въ Грецію. Покамѣстъ совѣтую вамъ помнить латинскую поговорку: Ога et laЬora (молись и трудись), и твердо надѣяться, что, можетъ быть, еще на нашемъ вѣку вы пристыдите другія образованныя страны и вознесете на высшую степень славу русскаго имени“.

— „Да, да, правда!“ отвѣчали царю старые бояре, въ глубокомъ молчаніи слушавшіе его слова, и заявивъ ему, что они готовы и будутъ дѣлать все, что онъ имъ повелитъ, снова обѣими руками ухватились за любезные имъ стаканы, предоставляли царю разсудить въ глубинѣ его собственныхъ помышленій, насколько успѣлъ онъ убѣдить ихъ и насколько могъ надѣяться достигнуть конечной цѣли своихъ великихъ предпріятій“.

Разсказчикъ придалъ этой бесѣдѣ ироническій эпилогъ. Петръ огорчился бы, даже, пожалуй, сказалъ бы боярамъ другую, менѣе возвышенную и ласковую рѣчь, если бы замѣтилъ, что они отнеслись къ его словамъ такъ безучастно, себѣ на умѣ, какъ это представилъ иноземецъ. Ему извѣстно было, какъ судили объ его реформѣ въ Россіи и за границей, и эти сужденія болѣзненно отзывались въ его душѣ. Онъ зналъ, что тамъ и здѣсь очень многіе видѣли въ его реформѣ насильственное дѣло, которое онъ могъ вести, только пользуясь своей неограниченной и жестокой властью и привычкой народа слѣпо ей повиновался. Стало быть, онъ не европейскій государь, а азіатскій деспотъ, повелѣвающій рабами, а не гражданами. Такой взглядъ оскорбляетъ его, какъ незаслуженная обида. Онъ столько сдѣлалъ, чтобы придать своей власти

характеръ долга, а не произвола; думалъ, что на его дѣятельность иначе нельзя смотрѣть, какъ на служеніе общему благу народа, а не какъ на тираннію. Онъ такъ старательно устранялъ все унизительное для человѣческаго достоинства въ отношеніяхъ

Петръ Андреевичъ Толстой.

подданнаго къ государю, еще въ самомъ началѣ столѣтія запретилъ писаться уменьшительными именами, падать передъ царемъ на колѣни, зимою снимать шапки передъ дворцомъ, разсуждая такъ объ этомъ: „Къ чему уничижать званіе, безобразить достоинство человѣческое? Менѣе низости, больше усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—таковъ почетъ, подобающій царю“. Онъ устроилъ столько госпиталей, богадѣленъ и училищъ, „народъ свой во многихъ воинскихъ

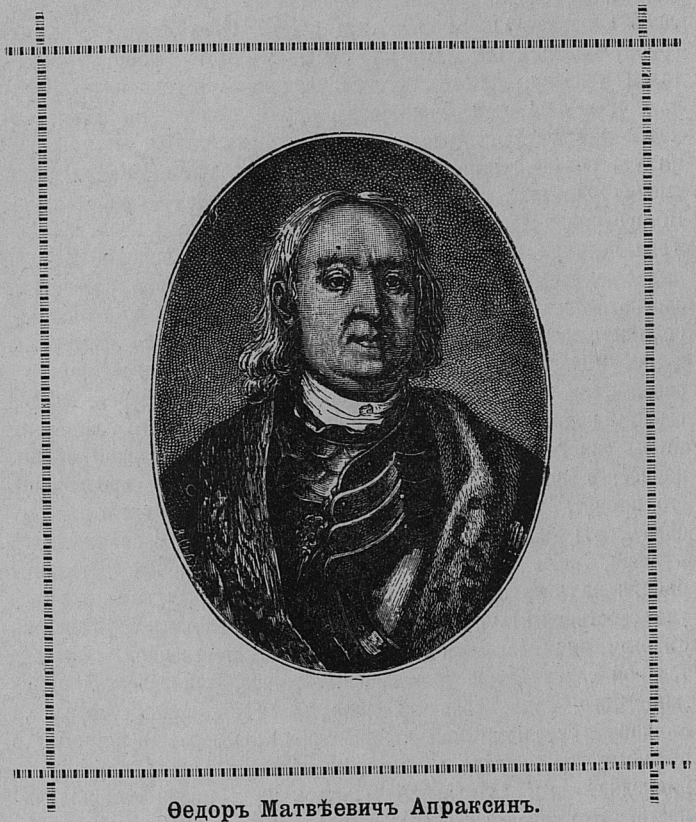
и гражданскихъ наукахъ обучилъ“, въ *Воинскихъ статьяхъ* запретилъ бить солдата, писалъ наставленіе всѣмъ принадлежащимъ къ русскому войску, „каковой ни есть вѣры или народа они суть, между собою христіанскую любовь имѣть“, внушалъ „съ противниками церкви съ кротостью и разумомъ поступать по Апостолу, а не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ“, говорилъ, что Господь далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстью людей властенъ одинъ Христосъ,—и онъ первый на Руси сталъ это писать и говорить,—а его считали жестокимъ тираномъ, азіатскимъ деспотомъ. Объ этомъ не разъ заводилъ онъ рѣчь съ приближенными и говорилъ съ жаромъ, съ порывистой откровенностью: „Знаю, что меня считаютъ тираномъ. Иностранцы говорятъ, что я повелѣваю рабами. Это неправда: не знаютъ всѣхъ обстоятельствъ. Я повелѣваю подданными, повинующимися моимъ указамъ; эти указы содержатъ въ себѣ пользу, а не вредъ государству. Надобно знать, какъ управлять народомъ. Англійская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ. Честный и разумный человѣкъ, усмотрѣвшій что-либо вредное или придумавшій что полезное, можетъ говорить мнѣ прямо безъ боязни. Вы сами тому свидѣтели. Полезное я радъ слушать и отъ послѣдняго подданнаго. Доступъ ко мнѣ свободенъ, лишь бы не отнимали у меня времени бездѣльемъ. Недоброхоты мои и отечеству, конечно, мной недовольны. Невѣжество и упрямство всегда ополчались на меня съ той поры, какъ задумалъ я ввести полезныя перемѣны и исправить грубые нравы. Вотъ кто настоящіе тираны, а не я. Я не усугубляю рабства, обуздывая озорство упрямыхъ, смягчая дубовыя сердца, не жестокосердствую, переодѣвая подданныхъ въ новое платье, заводя порядокъ въ войскѣ и въ гражданствѣ и пріучая къ людскости, не тиранствую, когда правосудіе осуждаетъ злодѣя на смерть. Пускай злость клевещетъ: совѣсть моя чиста. Богъ мнѣ судья! Неправые толки въ свѣтѣ разноситъ вѣтеръ“.

VI.

Защищая царя отъ обвиненія въ жестокости, любимый токарь его Нартовъ пишетъ: „Ахъ, если бы многіе знали то, что извѣстно намъ, дивились бы снисхожденію его. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайныхъ дѣлъ его, вострепеталъ бы онъ отъ ужаса, что содѣлывалось противъ сего монарха“. Эта „архива“ уже разбирается и все яснѣе обнаруживаетъ, по какой раскаленной почвѣ шелъ

Центральная Б-ка Красной Армии
Библиотека ВМФ СССР

Петръ, ведя реформу со своими сотрудниками. Все вокругъ него роптало на него, и этотъ ропотъ, начинаясь во дворцѣ, въ семьѣ царя, широко расходится оттуда по всей Руси, по всѣмъ классамъ общества, проникая вглубь народной массы.



Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ.

Сынъ жаловался, что отецъ окруженъ злыми людьми, самъ очень жестокъ, не жалѣетъ человѣческой крови, желалъ смерти отцу, и духовникъ прощалъ ему это грѣшное желаніе. Сестра, царевна Марья плакалась на безконечную войну, на великія подати, на разореніе народное, и „ея милостивое сердце снѣдала печаль отъ воздыханій народныхъ“. Ростовскій архіерей Досиѳей, лишенный сана по дѣлу о бывшей царицѣ Евдокіи, говорилъ на соборѣ архіереямъ: „Посмотрите, что у всѣхъ на

сердцахъ; извольте пустить уши въ народъ, что въ народѣ говорятъ". А въ народѣ говорили про царя, что онъ врагъ народа, оморокъ мірской, подкидышъ, антихристъ, и Богъ знаетъ, чего не говорили про него. Роптавшіе жили надеждою, авось, либо царь скоро умретъ, либо народъ поднимется на него; самъ царевичъ признался, что готовъ былъ пристать къ заговору противъ отца. Петръ слышалъ этотъ ропотъ, зналъ толки и козни, противъ него направленные, и говорилъ: „Страдаю, а все за отечество; желаю ему полезнаго, но враги пакости мнѣ дѣлаютъ демонскія". Онъ зналъ также, что было и на что роптать: народныя тягости все увеличивались, десятки тысячъ рабочихъ гибли отъ голода и болѣзней на работахъ въ Петербургѣ, Кронштотѣ, на Ладожскомъ каналѣ, войска терпѣли великую нужду, все дорожало, торговля падала. По цѣлымъ недѣлямъ Петръ ходилъ мрачный, открывая все новыя злоупотребленія и неудачи. Онъ понималъ, что до-нельзя, до боли напрягаетъ народныя силы, но раздумье не замедляло дѣла; никого не щадя, всего менѣе себя, онъ все шелъ къ своей цѣли, видя въ ней народное благо: такъ хирургъ, скрѣпя сердце, подвергаетъ мучительной операціи своего паціента, чтобы спасти его жизнь. Зато, по окончаніи шведской войны, первое, о чемъ заговорилъ Петръ съ сенаторами, просившими его принять титулъ императора, это—„стараться о пользѣ общей, отъ чего народъ получитъ облегченіе". Узнавая людей и вещи, какъ они есть, привыкнувъ къ дробной, детальной работѣ надъ крупными дѣлами, за всѣмъ слѣдя самъ и всѣхъ уча собственнымъ примѣромъ, онъ выработалъ въ себѣ вмѣстѣ съ быстрымъ глазомѣромъ тонкое чутье естественной, дѣйствительной связи вещей и отношеній, живое, практическое пониманіе того, какъ дѣлаются дѣла на свѣтѣ, какими силами и съ какими усиліями поворачивается тяжелое колесо исторіи, то поднимая, то опуская судьбы человѣческія. Оттого неудача не приводила его въ унынie, а удача не внушала самонадѣянности. Это, когда нужно, ободряло, а порой отрезвляло и и сотрудниковъ. Разсказывали, что послѣ пораженія подъ Нарвой онъ говорилъ: „Знаю, что шведы еще будутъ бить насъ; пусть бьютъ; но они выучатъ и насъ бить ихъ самихъ; когда же ученье обходится безъ потерь и огорченій?" Онъ не обольщался ни успѣхами, ни надеждами. Въ послѣдніе годы жизни, лѣчась олонецкимн цѣлебными водами, онъ говорилъ своему лейбъ-медику: „Врачую тѣло свое водами, а поданныхъ примѣрами; въ томъ и другомъ исцѣленіе вижу медленное; все рѣшитъ время". Онъ ясно видѣлъ всѣ трудности своего

положенія, въ которомъ изъ 13 правителей 12 опустили бы руки, и въ самую тяжелую пору своей жизни, во время слѣдствія надъ царевичемъ, описывалъ судьбу Толстому съ сострадательной изобразительностію сторонняго наблюдателя: „Едва ли кто изъ государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я. Отъ сестры (Софьи) былъ гонимъ до зѣла: она была хитра и зла. Монахинѣ (первой женѣ) несносенъ: она была глупа. Сынъ меня ненавидитъ: онъ упрямъ“. Но Петръ поступалъ въ политикѣ, какъ на морѣ. Вся его бурная дѣятельность какъ въ миніатюрѣ изобразилась въ одномъ эпизодѣ изъ его морской службы. Въ іюлѣ 1714 г., за нѣсколько дней до побѣды при Гангудѣ, крейсируя съ своей эскадрой между Гельсингфорсомъ и Аландскими островами, онъ былъ въ темную ночь застигнутъ страшною бурей. Всѣ пришли въ отчаяніе, не зная, гдѣ берегъ. Петръ съ нѣсколькими матросами бросился въ шлюпку, не слушая офицеровъ, которые на колѣняхъ умоляли его не подвергать себя такой опасности; самъ взялся за руль, въ борьбѣ съ волнами, встряхнулъ опускавшихъ руки гребцовъ грознымъ окрикомъ: „Чего боитесь? Царя везете! Съ нами Богъ!“, благополучно достигъ берега, развелъ огонь, чтобы показать путь эскадрѣ, согрѣлъ сбитнемъ полумертвыхъ гребцовъ, а самъ, весь мокрый, легъ и, покрывшись парусиной, заснулъ у костра подъ деревомъ.

Неослабное чувство долга, мысль, что этотъ долгъ—неуклонно служить общему благу государства и народа, беззавѣтное мужество, съ какимъ подобаетъ это служеніе,—таковы основныя правила той школы, проводившей своихъ учениковъ сквозь огонь и воду, о которой говорилъ Неплюевъ Екатеринѣ II. Эта школа способна была воспитывать не одинъ страхъ грозной власти, но и обаяніе нравственнаго величія. Разсказы современниковъ даютъ только смутно почувствовать, какъ это дѣлалось; а дѣлалось, кажется, довольно просто, какъ бы само собой, дѣйствіемъ неуловимыхъ впечатлѣній. Неплюевъ разсказываетъ, какъ онъ съ товарищами въ 1720 г., по окончаніи заграничной выучки, держалъ экзаменъ нередъ самимъ царемъ, въ полномъ собраніи адмиралтейской коллегіи. Неплюевъ ждалъ представленія царю, какъ страшнаго суда. Когда дошла до него очередь на экзаменѣ, Петръ самъ подошелъ къ нему и спросилъ: „Всему ли ты научился, для чего былъ посланъ?“ Тотъ отвѣчалъ, что старался по всей своей возможности, но не можетъ похвалиться, что всему научился, и говоря это, сталъ на колѣни. „Трудиться надобно“, сказалъ на это царь, и оборотивъ къ нему ладонью правую руку, прибавилъ: „Видишь

братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все для того—показать вамъ примѣръ и хотя бы подъ старость видѣть себѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству, Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ, только не робѣй; что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи". Царь остался доволенъ отвѣтами Неплюева и потомъ, ближе узнавъ его на карабельныхъ постройкахъ, отзывался о немъ: „Въ этомъ маломъ путь будетъ". Петръ замѣтилъ дипломатическія способности въ 27-лѣтнемъ поручикѣ галернаго флота и въ слѣдующемъ же году прямо назначилъ его на трудный постъ резидента въ Константинополѣ. При отпускѣ въ Турцію Петръ поднялъ упавшаго ему въ ноги со слезами Неплюева и сказалъ: „Не кланяйся, братецъ! я вамъ отъ Бога приставникъ, и должность моя смотрѣть, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять. Будешь хорошо служить, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь, а буде худо, такъ и истецъ, ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрой и правдой; вначалѣ Богъ, а по Немъ и я долженъ буду не оставить. Прости, братецъ! прибавилъ царь, поцѣловавъ Неплюева въ любъ:—приведетъ ли Богъ свидѣться?" Они уже не свидѣлись. Этотъ умный и неподкупный, но суровый и даже жесткій служака, получивъ въ Константинополѣ вѣсть о смерти Петра, отмѣтилъ въ своихъ запискахъ: „Ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ; да иначе мнѣ и грѣшно бы было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ насъ узнавать, что и мы люди". Послѣ, переживъ шесть царствованій и доживъ до седьмого, онъ, по отзыву его друга Голикова, не переставалъ хранить безпредѣльное почитаніе къ памяти Петра Великаго и имя его не иначе произносилъ, какъ священное, и почти всегда со слезами.

Впечатлѣніе, какое производилъ Петръ на окружающихъ своимъ обращеніемъ, своими ежедневными сужденіями о текущихъ дѣлахъ, взглядомъ на свою власть и на свое отношеніе къ подданнымъ, замыслами и заботами о будущемъ своего народа, самыми затрудненіями и опасностями, съ которыми ему приходилось бороться,—всей своею дѣятельностью и всѣмъ своимъ образомъ мыслей, трудно передать выразительнѣе того, какъ передалъ его Нартовъ. „Мы, бывшіе сего великаго государя слуги, воздыхаемъ и проливаемъ слезы, слыша иногда упреки жестокосердію его, котораго въ немъ не было. Когда бы многіе знали, что претерпѣвалъ, что сносилъ и какими уязвляемъ былъ горестями, то ужаснулись бы, колико снисхо-

дилъ онъ слабостямъ человѣческимъ и прощалъ преступленія, не заслуживающія милосердія; и хотя нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами, однако, духъ его въ душахъ нашихъ живетъ, и мы, имѣвшіе счастіе находиться при семъ монархѣ, умремъ вѣрными ему и горячую любовь нашу къ земному богу погребемъ вмѣстѣ съ собою. Мы безъ страха возглашаемъ объ отцѣ нашемъ для того, что благородному безстрашію и правдѣ учились отъ него".

Нартовъ, подобно Неплюеву, какъ близкій человѣкъ, стоялъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петра. Но дѣятельность преобразователя такъ захватывала общее вниманіе, ея побужденія были такъ открыты и такъ нравственно убѣдительны, что ея впечатлѣніе изъ тѣснаго круга приближенныхъ пробивалось вглубь общества, заставляло даже простыя и грѣшныя, но не предубѣжденныя души понимать и чувствовать, чему она учила, и бояться царя, по удачному выраженію Ѳеофана Прокоповича, не только за гнѣвъ его, но и за совѣсть. Петру едва ли приходилось слышать о себѣ сужденія, подобныя высказанному Нартовымъ: онъ не любилъ этого. Но его должно было глубоко утѣшить предсмертное письмо нѣкоего Ивана Кокошкина, полученное имъ въ 1714 г. и сохранившееся въ его бумагахъ. Лежа на смертномъ одрѣ, этотъ Кокошкинъ страшится предстать предъ лицомъ Божіимъ, не принесши чистаго покаянія пресвѣтлому монарху, покуда еще грѣшная душа съ тѣломъ не разлучилась, и не получивъ прощенія въ своихъ грѣхахъ по службѣ: состоялъ онъ при рекрутскихъ наборахъ въ Твери и отъ тѣхъ рекрутскихъ наборовъ бралъ себѣ взятки, кто что приносилъ; да онъ же Иванъ Кокошкинъ ему, государю, виновенъ,—оговореннаго въ воровствѣ человѣка отдалъ въ рекруты за своихъ крестьянъ. Великая награда государю стать заочно предсмертнымъ судьею совѣсти своего подданнаго. Петръ Великій полностію заслужилъ эту награду.

Проф. **В. Ключевскій.**

ЛЗI К
3 52 П